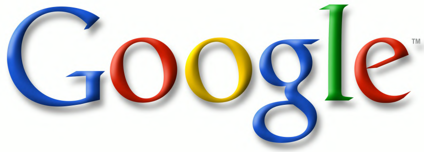
Google

Stanford University Libraries
3 6105 126 585 574

На правахъ рукописи.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ВОПРОСУ

О ПОСТАНОВКѢ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ.

А. Клоссовскаго,
заслуженнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая, № 43.
1904.

На правахъ рукописи.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ВОПРОСУ

О ПОСТАНОВКѢ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ.

А. Клоссовскаго,

заслуженнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая, № 43.
1904.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *А. Н. Деревицкій.*

На правахъ рукописи.

Въ концѣ іюня 1903 года опубликовано было нижеслѣдующее циркулярное предложеніе господина министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Г. Э. Зенгера, попечителямъ учебныхъ округовъ (отъ 28 іюня 1903 года за № 19744):

«Въ послѣднее время стали все чаще поступать въ «министерство народнаго просвѣщенія донесенія учебно«окружныхъ управленій относительно фактовъ, свидѣтель«ствующихъ объ упадкѣ дисциплины въ среднихъ учебныхъ «заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ, о рас«пущенности воспитанниковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ заве«деній, а также о вредномъ направленіи мысли, нерѣдко «замѣчаемомъ среди учащихся въ старшихъ классахъ. «Бывало напримѣръ, что ученики цѣлаго класса отказыва«лись исполнять распоряженія учебной власти и дѣйство«вали при этомъ скопомъ; бывали грубыя и дерзкія вы«ходки со стороны учащихся по поводу полученныхъ не«удовлетворительныхъ отмѣтокъ, замѣчаній или внушеній «преподавателей; встрѣчались случаи прямого нападенія «учащихся на лицъ педагогическаго персонала и нанесенія «имъ оскорбленія дѣйствіемъ; имѣются, наконецъ, указанія, «что среди учениковъ старшаго возраста ведется въ ши«рокихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, «порождающая немало жертвъ столь же безразсуднаго, сколь «преступнаго движенія.

«Изъ поступающихъ въ министерство донесеній о «печальныхъ фактахъ этого рода усматриваются нерѣдко «явные признаки слабости учебной администраціи и пе-

«дагогическихъ совѣтовъ въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ.
«Установлено, между прочимъ, что лица учебно-воспитательнаго персонала не обращаютъ почти никакого вниманія на неприличное поведеніе учащихся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ; если же кто либо изъ служащихъ одного заведенія сдѣлаетъ замѣчаніе въ соотвѣтственномъ случаѣ ученику другого заведенія, то начальство этого послѣдняго встрѣчаетъ такой образъ дѣйствій не съ желательною признательностью, а съ неудовольствіемъ. За самыми рѣдкими исключеніями не устраивается совѣщаній между директорами находящихся въ одномъ и томъ же городѣ среднихъ школъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся. Правила не разъясняются ученикамъ, и упорное нарушеніе ихъ весьма часто по цѣлымъ категоріямъ проступковъ оставляется безнаказаннымъ. Ученики успѣли свыкнуться съ мыслью, что открытое куреніе на улицахъ, нарушеніе установленной формы одежды, неотдаваніе чести попечителю, мѣстному губернатору и даже генералъ-губернатору представляются уклоненіями отъ требованій правилъ, молчаливо допускаемыми учебнымъ начальствомъ и во всякомъ случаѣ систематически не наказуемыми, такъ какъ служащіе по учебному вѣдомству, словно опасаясь оскорбленій, не дерзаютъ призывать виновныхъ къ отвѣту.

«Признавая такое положеніе вещей *долѣе не терпимымъ* и строжайше обращая вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, на обязательность неукоснительнаго исполненія Монаршей Воли о томъ, чтобы молодежь пріучали въ школѣ съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ, считаю долгомъ отмѣтить, что въ распоряженіи начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній и педагогическихъ совѣтовъ имѣется достаточно средствъ для воздѣйствія на учащихся какъ въ смыслѣ примѣненія къ нимъ различныхъ репрессивныхъ мѣръ, поскольку таковыя оказываются необходимыми, такъ и для достиженія педагогическимъ вліяніемъ желательныхъ воспитательныхъ результатовъ.

«Что исключительно карательными мѣрами упадокъ «дисциплины не можетъ быть остановленъ, въ этомъ ко«нечно нѣтъ сомнѣній. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы «учебно-воспитательные органы школы доводили послабле«ніе до прямого попустительства. Съ прискорбіемъ прихо«дится сознаться, что неоднократно свое безучастное отно«шеніе къ предосудительному поведенію учащихся лица «школьной администраціи объясняли ничѣмъ неоправдывае«мой ссылкой на памятныя всему русскому обществу слова «Государя Императора въ рескриптѣ отъ 25 марта 1901 г. «на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго о необходимости «сердечнаго попеченія школы о своихъ питомцахъ. Для «всякаго добросовѣстнаго педагога должно быть очевид«нымъ, что именно сердечная заботливость о нравствен«номъ преуспѣяніи воспитывающихся сопряжена съ бди«тельнымъ и настойчивымъ проведеніемъ извѣстной си«стемы требованій, подчиненіе которымъ только и въ со«стояніи пріучить юношу къ уваженію законности. Рав«нымъ образомъ, сердечная забота о нравственномъ разви«тіи учащихся налагаетъ на воспитателя долгъ пробу«ждать своевременно въ молодежи чувство личной отвѣт«ственности за совершаемые поступки, а, стало быть, въ «подлежащихъ случаяхъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости, «тщательно соображеннымъ со степенью провинности и «способности къ исправленію. Когда, наконецъ, педагоги«ческій совѣтъ убѣдится, что имѣетъ дѣло съ сознательной «враждебностью къ установленному правилами порядку и «съ явнымъ ожесточеніемъ ученика, на котораго вплоть «до окончанія имъ курса средней школы не подѣйствовали «никакія внушенія и доброжелательные совѣты, то учебное «заведеніе не только въ правѣ (§ 53 пр. объ исп.), но «даже обязано не допустить соотвѣтственнаго воспитанника «выпускного класса къ окончательнымъ экзаменамъ по его «нравственной незрѣлости. Эта мѣра, помимо своего неиз«бѣжно сдерживающаго вліянія на поведеніе учащихся, въ «случаѣ правильнаго и осмотрительнаго ея примѣненія, «была бы полезна и въ смыслѣ огражденія высшихъ учеб«ныхъ заведеній отъ похваляющихся своею невоспитан-

«ностью, а, стало быть, умышленно некультурныхъ эле-
«ментовъ.

«Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ способовъ дѣй-
«ствія, коими педагогическій персоналъ можетъ способство-
«вать предотвращенію указанныхъ выше печальныхъ яв-
«леній и въ частности уберечь воспитанника отъ возник-
«новенія въ немъ того вызывающаго и озлобленнаго на-
«строенія, которому онъ подъ вліяніемъ постороннихъ аги-
«таторовъ легко подпадаетъ нынѣ въ старшихъ классахъ
«учебныхъ заведеній, я долженъ прежде всего высказать
«категорическое требованіе, чтобы преподаватели и на-
«чальствующія лица безусловно не позволяли себѣ въ об-
«ращеніи съ учениками грубыхъ и язвительныхъ замѣча-
«ній. Исправлять невѣрный или неудачный отвѣтъ уча-
«щагося нужно спокойно, строго дѣловымъ тономъ, не
«поднимая ученика на смѣхъ, не допуская раздражитель-
«ности или колкости. Изъ всякаго слова наставленія учи-
«теля и начальника воспитанникъ долженъ выносить впе-
«чатлѣніе, что съ нимъ говорятъ по чувству долга и по
«заботливости объ его же благѣ; ни серьезность учебныхъ
«требованій, ни строгость въ оцѣнкѣ поведенія, ни рѣши-
«тельность въ осужденіи пагубныхъ мнѣній не исключа-
«ютъ полнаго самообладанія и открытой доброжелательно-
«сти къ ученику. Какъ первая испытанная въ школѣ не-
«справедливость, такъ и оскорбленіе созрѣвающаго въ
«юношѣ чувства человѣческаго достоинства могутъ заро-
«нить въ его душу сѣмя недовѣрія къ тому общему *строю*,
«ближайшимъ выраженіемъ коего является для него учеб-
«ное заведеніе, въ которомъ его воспитываетъ государство.

«Во-вторыхъ, я вынужденъ обратить вниманіе на одно
«совершенно элементарное и тѣмъ не менѣе выпускаемое
«постоянно изъ виду соображеніе: чѣмъ очевиднѣе будетъ
«для учениковъ, что получаемая ими въ школѣ духовная
«пища питательнѣе той, какою предлагаютъ насытить ихъ
«любознательность враги школы, тѣмъ охотнѣе будетъ
«признаваться авторитетъ послѣдней. Отсюда слѣдуетъ
«уже, что не обогащающій своихъ познаній, не совершен-
«ствующій своихъ преподавательскихъ пріемовъ учитель
«приноситъ не только дидактическій, но и педагогическій

«вредъ. Однако независимо отъ стремленія сдѣлать каждый «урокъ предметно содержательнымъ и полезнымъ для класса, «что предполагаетъ непремѣнную подготовку къ уроку, «учитель долженъ помнить, что урокъ самъ по себѣ слу- «житъ орудіемъ воспитательнаго воздѣйствія. Въ старшихъ «классахъ это естественно должно приводить преподаю- «щихъ, преимущественно на урокахъ русскаго языка и «исторіи, къ сознанію обязанности использовать обуче- «ніе въ смыслѣ освоенія учащихся съ здравымъ воззрѣ- «ніемъ на многое, что чаще всего представляется въ лож- «номъ освѣщеніи воспитанникамъ извѣстнаго возраста. Обу- «ченіе въ этомъ направленіи отнюдь не должно носить «искусственно назидательнаго характера: назиданіе будетъ «вытекать изъ обстоятельнаго и убѣдительнаго разъясне- «нія дѣла, ставшаго предметомъ бесѣды по прямому свой- «ству даннаго учебнаго заведенія. При этомъ не могу не «придавать особаго значенія тому, что въ настоящее время «въ весьма многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при- «шли въ полный упадокъ бесѣды, посвященныя разбору «домашнихъ сочиненій по русскому языку въ старшихъ «классахъ. Бесѣды эти давали бы прекрасный матеріалъ «для совмѣстнаго, подъ руководствомъ учителя, обсужденія «учениками извѣстныхъ вопросовъ, размышленія о кото- «рыхъ нельзя не предположить въ учащихся по мѣрѣ озна- «комленія ихъ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ граждан- «ской исторіи, теоріи словесности и исторіи русской лите- «ратуры. Самыя темы для сочиненій задаются крайне одно- «стороннія: «разсужденій» даже совершенно избѣгаютъ. «Тетрадки зачастую учащимся не возвращаются, причемъ «преподающіе въ оправданіе свое ссылаются на то, что «при переполненіи классовъ воспитанниками нѣтъ времени «для надлежащаго исправленія написанныхъ сочиненій. «Признавая нѣкоторую основательность въ этомъ объясне- «ніи, я нахожу, однако, что педагогическимъ совѣтамъ «слѣдуетъ изыскать способы выйти изъ указаннаго за- «трудненія. Примѣра ради укажу на слѣдующіе два пріема: «съ одной стороны, преподаватель можетъ устанавливать «очередь для подачи сочиненій учениками по группамъ, «назначая для различныхъ группъ различныя темы; съ

«другой стороны, часть темъ можетъ задаваться учителемъ «русскаго языка, нѣкоторыя же темы могутъ предлагать «преподаватели исторіи и древнихъ языковъ, что приводило «бы къ болѣе равномѣрному распредѣленію работы по ис«правленію тетрадей. Важность домашнихъ сочиненій со«стоитъ въ томъ, что при разработкѣ ихъ учащійся впер«вые пробуетъ свои умственныя силы на самостоятельномъ «изложеніи собственныхъ мыслей. Чѣмъ яснѣе для него «будетъ, что наставники его внимательно относятся къ «его работѣ и серьезно озабочены принести ему пользу «своими разъясненіями и совѣтами, тѣмъ естественнѣе «ожидать, что онъ убѣдится въ добросовѣстномъ служеніи «школы его истиннымъ духовнымъ интересамъ. Разборъ «письменныхъ работъ учащихся долженъ быть непремѣнно «приведенъ въ связь и съ домашнимъ чтеніемъ учениковъ «старшихъ классовъ. Плодотворность домашняго чтенія «тогда только будетъ достигнута, когда ученики полю«бятъ серьезное чтеніе, то есть такое, по поводу котораго «они себѣ отдаютъ отчетъ въ томъ, что именно они вы«несли изъ книги. Цѣлесообразное сочетаніе домашняго «чтенія, письменныхъ упражненій и класснаго ихъ разбора «пріучитъ юношей къ вдумчивости, къ уваженію духовнаго «труда, къ стремленію съ подобающею взыскательностью «относиться къ своему устному и письменному слову. «Кромѣ того, выслушивая соображенія товарищей и от«зывъ учителя о поданной работѣ, ученикъ постепенно «проникается убѣжденіемъ, что долженъ *съ осмотритель«ностью*, безъ рѣзкостей и нетерпимости, излагать свои «мнѣнія; у него не можетъ не явиться сознаніе, что ему «слѣдуетъ много поработать, прежде чѣмъ позволить себѣ «рѣшительное сужденіе о болѣе или менѣе трудныхъ и «общихъ вопросахъ.

«Въ третьихъ, и внѣ связи съ класснымъ обученіемъ, «наставники имѣютъ неоднократно поводъ уяснять воспи«танникамъ надлежащее воззрѣніе на вещи и устранять «такимъ образомъ внутреннее побужденіе къ нарушенію «извѣстныхъ правилъ. Поражающая неучтивость и даже «заносчивость, съ какою держатся въ настоящее время «многіе юноши, обучающіеся въ средней школѣ, объясня-

«ется, напримѣръ, весьма распространеннымъ въ ихъ средѣ «ложнымъ взглядомъ, по которому скромное и вѣжливое «обхожденіе со старшими унизительно для молодого чело- «вѣка и является будто бы видомъ заискиванія передъ на- «чальствующими лицами. Тутъ поведеніе находится въ «прямой зависимости отъ ошибочнаго воззрѣнія. Ясно, что, «встрѣчаясь съ выраженіями послѣдняго, воспитатель дол- «женъ не ограничиваться мѣрами взысканія, а приводить «провинившихся къ сознанію невѣрности того взгляда, «которымъ они руководствовались. Успѣшно бороться съ «господствующими представленіями о мнимой обязанности «подчиняться безпрекословно всѣмъ рѣшеніямъ большин- «ства товарищей можно только, вошедши въ спокойное и «пространное обсужденіе соотвѣтственнаго общаго вопроса, «вызванное, слѣдовательно, не такими обстоятельствами, «при которыхъ значительная группа учащихся настроена «возбужденно и считаетъ себя связанной даннымъ легко- «мысленно словомъ. Однако и при массовыхъ демонстра- «ціяхъ наложенію наказанія должно предшествовать увѣ- «щеваніе, способное привести воспитанниковъ къ раскаянію «и готовности отказаться отъ дальнѣйшаго нравственнаго «насилія надъ меньшинствомъ. При каждомъ удобномъ слу- «чаѣ слѣдуетъ напоминать учащимся, что у развитаго и «образованнаго человѣка чувство не должно переходить «непосредственно въ дѣйствіе, а подлежитъ контролю ра- «зума и совѣсти, безъ участія которыхъ въ руководствѣ «нашими поступками мы бы явились простыми рабами «своихъ страстей. Словомъ сказать, углубляя пониманіе «учащимися истиннаго смысла тѣхъ воспитательныхъ тре- «бованій, съ которыми къ нимъ обращаются, и расширяя «кругъ ихъ этическаго размышленія, можно достигнуть «серьезныхъ результатовъ, особенно при неослабномъ стре- «мленіи добиться одновременно усвоенія себѣ школьною «молодежью опредѣленныхъ нравственныхъ привычекъ.

«Въ четвертыхъ, руководители и наставники уча- «щихся не должны терять изъ виду, что живущій при родныхъ воспитанникъ значительную часть своего времени «проводитъ въ семьѣ, которая, будучи предупреждена о «замѣченныхъ уклоненіяхъ его отъ желательнаго поведенія,

«может стать наиболѣе вліятельною и благотворною со«юзницею школы въ дѣлѣ его исправленія. Надлежитъ, «однако, обращаться къ родителямъ въ такой формѣ, чтобы «они не приходили къ заключенію, будто учебнымъ на«чальствомъ уже намѣчены крайнія мѣры въ родѣ рѣзкаго «пониженія отмѣтки за поведеніе или даже увольненія уче«ника, а убѣждались, что просятъ ихъ содѣйствія къ разъ«ясненію условій, при которыхъ можно было бы дости«гнуть готовности учащагося подчиниться предъявляемымъ «ему справедливымъ требованіямъ. Тѣмъ болѣе должно «избѣгать такихъ заявленій семьѣ, которыя могли бы быть «истолкованы въ смыслѣ поощренія педагогически пре«вратныхъ мѣръ домашняго воздѣйствія на подлежащаго «исправленію. При искреннемъ желаніи сблизиться на этой «почвѣ съ семьей классный наставникъ и директоръ полу«чатъ чаще, нежели можно предположить на основаніи «нынѣшнихъ отношеній къ нимъ семьи, необходимыя имъ «указанія для того обращенія съ даннымъ ученикомъ, ко«торое именно умѣстно и цѣлесообразно. Въ тѣхъ случа«яхъ, когда у родителей сложились невѣрныя представле«нія о дѣйствительномъ поведеніи дѣтей въ школѣ, на«добно стараться ознакомить семью съ истиннымъ поло«женіемъ вещей и устранять всѣ накопляющіяся незамѣтно «недоразумѣнія. Такого рода внимательное отношеніе къ «нравственному авторитету родителей никакъ не должно, «впрочемъ, вырождаться въ малодушную уступчивость не«основательнымъ желаніямъ, клонящимся къ умаленію авто«ритета законности въ школѣ. Такъ какъ, далѣе, многіе «воспитанники проживаютъ на ученическихъ квартирахъ, «то класснымъ наставникамъ, инспекторамъ и директорамъ «надлежитъ при посѣщеніи послѣднихъ имѣть въ виду не «одинъ внѣшній осмотръ, но и установленіе нравственной «связи съ этими учениками, нуждающимися въ участли«вомъ надзорѣ старшихъ. Задача и тутъ сводится къ тому, «чтобы не оставаться для воспитанника совершенно чу«жимъ человѣкомъ, отъ котораго, кромѣ оффиціальныхъ «словъ, никогда ничего не ожидаешь, и о которомъ даже «не вспомнишь, когда переживаешь сомнѣніе и душевную «борьбу.

«Касаясь въ предыдущемъ различныхъ способовъ «воспитательнаго воздѣйствія на учащуюся молодежь, кото- «рыми располагаетъ школа, я не могъ, какъ само собою «разумѣется, ставить въ одинъ рядъ съ ними обращеніе «къ религіозному чувству ученика. Но существо дѣла на- «водитъ неотвратимо мысль педагога на то соображеніе, «что онъ и самъ обязанъ являть примѣръ коренящейся въ «его христіанскихъ идеалахъ, а потому поддерживающей «его духовныя силы кротости въ перенесеніи всего того «тягостнаго, съ чѣмъ сопряжена человѣческая дѣятельность «въ области служенія на пользу другихъ людей, и что онъ «не выполнялъ бы своего назначенія, если бы не разви- «валъ въ молодыхъ душахъ воспріимчивости къ заповѣди «Божіей, направляя неуклонно своихъ питомцевъ на путь «совѣстливости, прямоты и неизмѣннаго доброжелательства «даже и къ тѣмъ, отъ которыхъ, какъ имъ кажется, они «испытали обиду. Однако, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, «надлежитъ памятовать, что призывать имя Божіе всуе «грѣшно, и что прибѣгать къ религіозному воздѣйствію «на воспитанника, пренебрегая опасностью поощрять его «къ лицемѣрію, достойный пріобрѣсти юношеское довѣріе «и уваженіе воспитатель неспособенъ. Непростительно «также было бы низводить религіозныя наставленія до «степени заурядныхъ и мелочно-житейскихъ попрековъ. «Удивляться, напротивъ того, приходится, что когда, какъ «это къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ, учащійся вслѣдствіе «безуспѣшности въ занятіяхъ или подсказываемой самолю- «біемъ переоцѣнки наложеннаго на него наказанія дошелъ «до полной нравственной растерянности, граничащей съ «отчаяніемъ, онъ не встрѣчаетъ со стороны своихъ на- «ставниковъ религіознаго утѣшенія, способнаго успокоить «и во время ободрить его.

«Полагаясь на то, что соображенія, изложенныя въ «настоящемъ циркулярѣ, встрѣтятъ дѣйствительное сочув- «ствіе въ педагогическихъ совѣтахъ ввѣренныхъ Вашему «Превосходительству учебныхъ заведеніяхъ и не обратятся, «по заслушаніи, въ мертвую букву, а подадутъ поводъ къ «энергичнымъ стараніямъ внести, соотвѣтственно намѣчен- «ной Государемъ Императоромъ цѣли, разумъ и сердечное

«попеченіе о юношествѣ въ дѣло его воспитанія, прошу «Ваше Превосходительство сдѣлать поставленные мною «вопросы предметомъ обсужденія также въ попечитель«скомъ совѣтѣ учебнаго округа и о результатахъ сего «обсужденія донести въ министерство. (Циркуляръ по Одес«скому Учебному Округу, №№ 78, 1903 г.).

Циркуляръ, какъ видно, констатируетъ крайнюю распущенность среди учениковъ средней школы. И дѣйствительно, лицамъ, причастнымъ къ педагогическимъ сферамъ, давно уже бросается въ глаза несомнѣнное отсутствіе, въ средѣ учащихся, той моральной дисциплины, того уваженія къ школѣ и ея представителямъ, безъ которыхъ невозможно правильное веденіе не только воспитательнаго, но и чисто учебнаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло доходило до открытаго протеста противъ наставниковъ по поводу всякаго ничтожнаго случая. Въ одномъ учебномъ заведеніи, толпа воспитанниковъ держала въ осадномъ положеніи педагогическій комитетъ, совѣщавшійся о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ. Въ другомъ — ученики, воспользовавшись темнотой физическаго кабинета, насильственно выпроводили изъ класса преподавателя физики. Цѣлыя толпы учениковъ собираются, ко времени окончанія уроковъ, къ подъѣздамъ женскихъ учебныхъ заведеній, что вызываетъ нерѣдко вмѣшательство полицейской власти. Цѣлыя толпы гимназистовъ посѣщаютъ кафе-шантаны и оперетки, неистово аплодируя исполнителямъ самыхъ *неприличныхъ* куплетовъ и т. д. Такова внѣшняя дисциплина. По отзывамъ преподавателей, не лучше обстоитъ и внутренняя, классная, дисциплина. Учащимъ крайне трудно справляться даже съ мальчуганами младшихъ классовъ. Нерѣдки случаи дерзостей учителямъ и даже оскорбленій дѣйствіемъ. Но въ циркулярѣ г. министра констатируется *неявно* и другой характерный фактъ: отсутствіе въ ученикахъ развитія и умѣнія правильно и толково излагать свои мысли, недостатокъ знанія отечественной и иностранной литературы. Подобное заключеніе вытекаетъ изъ той части циркуляра, въ которой г. министръ преподаетъ указанія, какъ слѣдуетъ вести практическія занятія и собесѣдованія съ учениками по словесности и, отчасти, по исторіи.

Впрочемъ, на эту сторону дѣла давно уже указывали, какъ въ въ общей, такъ и въ специально-педагогической прессѣ.

Въ циркулярѣ не говорится вовсе о причинахъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія въ жизни русской школы. Преподаются только нѣкоторые частные совѣты и указанія, при соблюденіи которыхъ существующее зло можетъ быть ослаблено или даже вовсе устранено. Но нельзя не замѣтить, что текстъ циркуляра, во многихъ отношеніяхъ, воспроизводитъ лишь тѣ мысли, которыя въ прежніе годы высказывались и повторялись многократно на педагогическихъ собраніяхъ и съѣздахъ, а также на страницахъ общихъ и спеціальныхъ журналовъ. Нѣкоторыя-же изъ предлагаемыхъ мѣръ (литературныя собесѣдованія) практиковались въ широкихъ размѣрахъ еще въ гимназіяхъ шестидесятыхъ годовъ и особенно горячо поддерживались незабвеннымъ Н. И. Пироговымъ. Другая группа мѣръ (внѣшкольный надзоръ, собесѣдованія съ родителями) оказалась на практикѣ несостоятельной. Еще недавно Ученый Комитетъ министерства народнаго просвѣщенія отвергъ эту мѣру, какъ не ведущую къ цѣли, даже по отношенію къ ученикамъ городскихъ училищъ. Въ циркулярѣ вскользь проглядываетъ мысль о важности и крайней необходимости поднятія авторитета школы и личности учителя въ глазахъ учащихся. Между тѣмъ, въ поднятіи авторитета учителя и предоставленіи ему должной и разумной самостоятельности и заключается весь центръ тяжести трактуемаго циркуляромъ сложнаго вопроса о постановкѣ средней школы. Только при должномъ авторитетѣ и разумной самостоятельности, педагогическіе совѣты in corpore и отдѣльные ихъ члены въ частности получатъ возможность примѣнять ту, такъ сказать, «сердечную строгость», которая рекомендуется циркуляромъ; при этомъ только условіи, педагоги могутъ убѣдить учениковъ, что

«получаемая ими въ школѣ духовная пища питательнѣе «той, какою предлагаютъ насытить ихъ любознательность «враги школы».

Но авторитетъ учителя не можетъ быть поднятъ однимъ лишь усовершенствованіемъ пріемовъ преподаванія.

Тѣмъ не менѣе, циркуляръ отъ 28 іюня 1903 года имѣлъ громадное значеніе въ другомъ отношеніи. Онъ призвалъ къ жизни всю обширную русскую педагогическую семью. Онъ далъ

возможность педагогамъ высказаться о недостаткахъ современной русской школы, въ чемъ заключается его главная заслуга. Совѣтамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведенiй предложено было обсудить разносторонне затронутые въ циркулярѣ вопросы. Намъ извѣстно, что въ министерство поступили обширные матерiалы, изъ разработки которыхъ будетъ возсоздано новое зданiе средней школы въ Россiи

Быть можетъ въ интересахъ дѣла, позволено будетъ высказать нѣкоторыя соображенiя автору настоящей статьи, дѣятельность котораго была почти одинаково посвящена, какъ высшей, такъ и средней школѣ [1]).

Русская средняя школа истекшаго тридцатилѣтiя страдала слѣдующими недостатками:

1) она не давала ни основательнаго знанiя, ни достаточнаго развитiя;

2) она не вырабатывала въ своихъ питомцахъ самостоятельности;

3) она не пользовалась въ русскомъ обществѣ ни уваженiемъ ни довѣрiемъ; между школой и обществомъ установились отношенiя двухъ враждующихъ сторонъ.

Такое ненормальное положенiе нашей средней школы создалось какъ печальное, но естественное, послѣдствiе господства извѣстной системы.

Въ сороковыхъ и въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтiя въ духѣ, характерѣ и постановкѣ гимназiй существовала, если такъ можно *выразиться, огромная* пестрота. Въ то время незамѣтно еще было усиленнаго стремленiя къ подведенiю всѣхъ среднихъ учебныхъ заведенiй къ одному уровню. Начальникамъ и преподавателямъ предоставлена была относительная свобода, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношенiяхъ. Число лицъ, спецiально подготовленныхъ къ педагогическому поприщу, было не велико. По большей части, характеръ и направленiе заведенiя, его культурное и воспитательное значенiе всецѣло зависѣли отъ начальства заведенiя и

---

[1]) Мысли о высшей школѣ изложены раньше въ книгѣ моей: «Матерiалы къ вопросу о постановкѣ университетскаго дѣла въ Россiи». Одесса, 1903 г.

отъ случайнаго, болѣе или менѣе удачнаго, выбора преподавателей. Вслѣдствіе этого, постановка учебнаго дѣла, какъ мы сказали, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ была весьма различна. Мало того, даже въ жизни одного и того же заведенія замѣтны были значительныя колебанія; періоды болѣе свѣтлые въ дѣятельности школы смѣнялись періодами застоя и упадка, въ зависимости отъ смѣны лицъ и условій. Подобныя колебанія можно видѣть изъ историческихъ записокъ, изданныхъ по случаю 25-ти и 50-тилѣтнихъ юбилеевъ различныхъ гимназій (Каменецъ-Подольской, 2-ой Одесской, 2-ой Кіевской и другихъ). Правда, что въ тѣ отдаленныя времена матеріальное и служебное положеніе преподавателя было незавидное, что вообще неблагопріятно отражалось на общемъ составѣ педагогическаго персонала. Число просвѣщенныхъ людей, получившихъ основательную научную и педагогическую подготовку, было крайне ограничено. Учительскія кафедры нерѣдко занимали, по необходимости, люди невѣжественные и грубые. Но и тогда уже во многихъ, если не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, можно было встрѣтить отдѣльныя свѣтлыя личности преподавателей, всецѣло преданныхъ дѣлу, проникнутыхъ любовью къ воспитываемому юношеству. Но чѣмъ невѣжественнѣе и грубѣе былъ общій составъ педагогической корпораціи, тѣмъ ярче выдѣлялись, на общемъ мрачномъ фонѣ, отдѣльныя личности, оставлявшія глубокій слѣдъ въ памяти молодежи. Дѣятельность этихъ лучшихъ людей давала подростающему юношеству направленіе, котораго они свято придерживались въ теченіе всей своей жизни. Вѣчная память вамъ добрые и честные безвѣстные труженики, дѣлавшіе въ тиши свое колоссальное культурное дѣло! Эти руководители внушали своимъ питомцамъ то глубокое уваженіе и почтеніе къ наукѣ, къ университету, которымъ были проникнуты студенты 50—70-хъ годовъ и которое въ настоящее время почти совершенно потеряно. Замѣтимъ, что свое святое дѣло лучшіе преподаватели того времени могли дѣлать, благодаря лишь значительному простору, дававшему возможность проявлять индивидуальныя способности и несковывавшему умъ и сердце сухимъ формализмомъ. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что постановка различныхъ гимназій, въ значительной степени, зависѣла также отъ большей или меньшей близости заведенія къ культурному центру. Такъ, столичныя гимназіи, а также

гимназіи въ такихъ городахъ какъ Одесса, Кіевъ, стояли несомнѣнно выше, чѣмъ захолустныя заведенія, далекія отъ всякихъ культурныхъ воздѣйствій.

Мы уже замѣтили, что въ постановкѣ тогдашней средней школы рѣзко бросалась въ глаза крайняя пестрота, зависѣвшая отъ личности директора и преподавателей. Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить отрывокъ изъ автобіографической замѣтки извѣстнаго профессора кіевскаго университета Владиміра Бонифатьевича Антоновича о второй одесской гимназіи съ личными воспоминаніями автора настоящей статьи о житомирской гимназіи начала и середины 50-хъ годовъ.

«Воспитаніе мое школьное, говоритъ профессоръ Антоновичъ [1]), началось въ Ришельевской гимназіи; во время «моего гимназическаго курса была открыта 2-ая Одесская «гимназія, куда я перешелъ сейчасъ же послѣ ея открытія, «воспитанникомъ V класса; въ V, VI и VII классѣ я «учился въ этой гимназіи. Эти три года составляютъ для «меня незабвенный періодъ моей жизни — это были годы, «когда слагается нравственный обликъ человѣка, и въ «этомъ отношеніи я многимъ обязанъ 2-ой гимназіи; те«перь въ старости чувствую къ ея вліянію глубокій піэтетъ; «гуманное обращеніе съ нами директора и учителей, вліяніе «живого европейски-просвѣщеннаго города, и дружный и «искренно преданный культурному прогрессу кругъ това«рищей положили на всю мою жизнь неизгладимый отпе«чатокъ: глубокое сознаніе совѣсти, стремленіе къ спра«ведливости, добру и правдѣ, нѣсколько, можетъ быть «слишкомъ оптимистическую, но, весьма успокоительную, «глубокую вѣру въ прогрессъ. Изъ учителей моихъ не «могу не помянуть добрымъ словомъ: 1) директора Павла «Беккера, безвозмездно преподававшаго намъ два года ла«тинскій языкъ и литературу, вылившаго истинную лю«бовь къ классической древности, въ которой онъ умѣлъ «указать намъ истинно гуманитарные мотивы, и, благодаря «этому, настолько подвинулъ наши знанія, что на экзаменѣ «мы переводили à livre ouvert римскихъ историковъ Ливія,

[1]) Историческая записка о состояніи Одесской 2-й гимназіи за 1848 по 1898 годъ. Стр. 271—272.

«Саллюстія и Тацита; 2) учителя русскаго языка Констан-«тина Бонифатьевича Картамышева, уроки котораго по «новѣйшей русской литературѣ мы слушали съ увлече-«ніемъ и наслажденіемъ; 3) Николая Порфирьевича Прото-«попова, преподававшаго намъ латинскій языкъ, и дру-«жественнымъ, почти товарищескимъ, отношеніемъ сни-«скавшаго общую любовь и уваженіе и пользовавшагося «ими для того, чтобы при каждомъ случаѣ вселять намъ чувства гражданской чести и честности; 4) учителя фран-«цузскаго языка Alexis Chapellon, дававшаго намъ для про-«чета книги лучшихъ французскихъ писателей того вре-«мени (V. Gugo, Lamartine и пр.) и вселявшаго, такимъ «образомъ, относительное знаніе и глубокое уваженіе къ европейской культурѣ».

Въ параллель съ этимъ, приведу свои личныя воспоминанія о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя оставили во мнѣ первые годы моего пребыванія въ житомирской гимназіи, начиная съ 1854 года. Директоромъ гимназіи состоялъ памятный въ исторіи житомирской гимназіи Ѳедоръ Андреевичъ Китченко. Это былъ суровый, сухой формалистъ, жестокосердый и безжалостный. Квартира его помѣщалась на гимназическомъ дворѣ. Каждый ученикъ, направлявшійся въ гимназію, долженъ былъ неизбѣжно проходить мимо оконъ кабинета директора и горе тому ученику, замѣченному директоромъ, который бы, проходя, не снялъ шапки, хотя окна кабинета всегда были задернуты зелеными занавѣсками. Инспекторомъ состоялъ Тимоѳей Ивановичъ Пристюкъ, человѣкъ тоже суроваго и крутого нрава. Мнѣ едва исполнилось 8 лѣтъ, когда я былъ опредѣленъ въ I классъ. Въ первый день моего появленія въ гимназіи, на второмъ урокѣ, является въ классъ инспекторъ Т. И. Пристюкъ и начинаетъ провѣрять, имѣются-ли у учениковъ такъ называемыя «общія тетради», и разграфлены ли онѣ. Неимѣвшіе вовсе тетрадей высылались инспекторомъ въ сосѣдній коридоръ, гдѣ подвергались тотчасъ-же наказанію розгами. Стоны и крики наказуемыхъ ясно слышались въ классѣ и наводили настоящую панику. Я, какъ новичекъ, даже и не зналъ о необходимости имѣть общую тетрадь, а потому понятенъ ужасъ, овладѣвшій мною въ ожиданіи наказанія въ первый же день моего появленія въ классѣ. Наконецъ, доходитъ очередь до меня. Запинаясь и съ плачемъ, я едва сумѣлъ объяснить, что

я новичекъ, впервые явившійся въ классъ и незнавшій еще порядковъ заведенія. Къ счастью, позорное наказаніе прошло мимо. Я былъ только изгнанъ изъ класса съ приказаніемъ явиться на слѣдующій день съ разграфленной «общей тетрадью». Таковы были первыя впечатлѣнія новичка. Обнаружилось дальше, что наказанія, жестокія и частыя, составляли главное педагогическое орудіе въ рукахъ житомирскихъ педагоговъ того времени. Сѣкли по субботамъ («субботники»), сѣкли во всѣ дни недѣли. Право сѣченія принадлежало не только директору и инспектору, но даже надзирателямъ. Число тѣлесныхъ наказаній достигло кульминаціоннаго пункта, когда инспекторомъ, вмѣсто Т. И. Пристюка, назначенъ былъ Өедоръ Яковлевичъ Домерадскій, жестоко преслѣдовавшій учениковъ за неуспѣшность, за самовольныя прогулки за городъ, за всякое малѣйшее, дѣйствительное или кажущееся, нарушеніе дисциплины. Тѣлесныя наказанія достигли небывалой степени. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа Н. И. Пироговымъ, оказалось:

Названіе гимназій.	Общее число учениковъ.	Число высѣченныхъ въ 1857 г.	Въ %
1) Житомирская. . .	600	290	48,3
2) Немировская . . .	600	67	11,1
3) Кіевская 2-ая. . .	625	43	6,1
4) Полтавская . . .	399	39	9,8
5) Бѣлоцерковская . .	220	38	17,3
6) Подольская. . . .	400	37	9,2
7) Нѣжинская. . . .	260	20	7,7
8) Черниговская . . .	240	18	7,5
9) Новгородсѣверская .	250	8	3,2
10) Ровенская	300	6	2,0
11) Кіевская 1-ая. . .	215	3	1,4
Всего . .	4109	569	13,9

Розги получили настолько право гражданства, что даже самъ Пироговъ не рѣшился произвести радикальной ломки въ кодексѣ школьныхъ наказаній и оставилъ розги для нѣкоторыхъ исключительныхъ проступковъ. Конечно, при такой грубости начальниковъ заведеній, не могло быть и рѣчи о смягчающемъ, благотворномъ вліяніи преподавателей житомирской гимназіи. Грубость и жестокосердіе, особенно по отношенію къ ученикамъ младшихъ классовъ, были отличительной чертой нѣкоторыхъ учителей того времени. Учитель русскаго языка М. Г. Барскій занимался въ классѣ тѣмъ, что раздавалъ ученикамъ удары по ушамъ и головѣ. Наказаніе линейкой по рукѣ («въ лапу») было любимымъ занятіемъ учителей русскаго языка Бѣлоконова и ариѳметики Сербинова. Учитель французскаго языка Де-Гассъ, разсердившись, буквально изрыгалъ непечатную брань по адресу учениковъ и даже ихъ родителей. Всякія экскурсіи въ окрестности города, въ сосѣднія рощи были строжайше запрещены. Подобное отношеніе начальства вырабатывало духъ глухого, скрытаго протеста въ нѣкоторой части учащихся, хваставшихъ своимъ безстыдствомъ и закаленностью. Другая, наиболѣе многочисленная, часть учениковъ представляла массу, которая съ ужасомъ думала о гимназіи и ея порядкахъ и отдыхала, тѣлесно и душевно, въ домашнемъ кругу въ праздничные дни и въ періодъ зимнихъ и лѣтнихъ каникулъ.

Со второй половины 50-хъ годовъ, когда въ обществѣ начался извѣстный духовный подъемъ, гимназическія кафедры стали болѣе и болѣе пополняться свѣжими молодыми силами, поставившими себѣ цѣлью послужить отечеству путемъ внесенія свѣта истины и науки въ среду русскаго общества. Явился даже особый типъ «учителя русской словесности», столь много потрудившагося на пользу русскаго юношества незабвенной эпохи великихъ реформъ. И въ житомирской гимназіи наступили лучшія времена. Въ 1858 году произошла смѣна начальства и началось быстрое улучшеніе и смягченіе нравовъ. Въ гимназіи явился цѣлый рядъ свѣтлыхъ личностей, вдохнувшихъ въ учащихся новый духъ. Не могу не вспомнить здѣсь, съ чувствомъ признательности и глубокаго уваженія, преподавателя латинскаго языка Николая Панкратьевича Кустова, преподавателя исторіи Трофимова, инспектора Теодоровича, учителя естественной исторіи Прелина, учителя математики и физики Л. К. Искерскаго. Особенно многимъ всѣ мы, тогдашніе ученики стар-

шихъ классовъ житомирской гимназіи, обязаны своимъ развитіемъ и литературнымъ образованіемъ учителямъ русской словесности Мацкевичу и Шаврову. Оба они широко открыли намъ двери не только ученической, но также учительской и даже своей личной библіотеки и всѣми мѣрами поощряли чтеніе классическихъ образцовъ. Всѣ представленныя учениками сочиненія тщательно были просматриваемы преподавателями, а лучшія изъ нихъ прочитывались и комментировались въ классѣ. Устраивались литературныя собесѣдованія по поводу представленныхъ сочиненій. На помощь учителю словесности явился молодой учитель исторіи Трофимовъ, обладавшій рѣдкимъ даромъ изложенія. Однимъ словомъ, въ то далекое время, благодаря свободной иниціативѣ лучшихъ преподавателей, въ ходѣ преподаванія русскаго языка и исторіи, получило широкое развитіе то именно направленіе, которое рекомендуется министерскимъ циркуляромъ отъ 28 іюня 1903 года. Перемѣна курса отразилась прежде всего, въ смягченіи наказаній. По свѣдѣніямъ, собраннымъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, число учениковъ, подвергнутыхъ тѣлеснымъ наказаніямъ, выразилось слѣдующими числами:

ГИМНАЗІИ.	Общее число учениковъ въ 1859—60 г.г.	Число учениковъ, подвергнутыхъ тѣлеснымъ наказаніямъ	Въ %
1) Житомирская . . .	635	5	0,8
2) Немировская	568	5	0,9
3) Кіевская 2-ая . . .	650	2	0,3
4) Полтавская	338	0	0,0
5) Бѣлоцерковская . . .	266	0	0,0
6) Подольская	470	7	1,5
7) Нѣжинская	264	2	0,7
8) Черниговская	276	0	0,0
9) Новгородсѣверская . .	288	0	0,0
10) Ровенская	354	5	1,4
11) Кіевская 1-ая . . .	201	1	0,5
Всего . . .	4310	27	0,6

т. е., число наказаній, въ общемъ по всѣмъ гимназіямъ кіевскаго учебнаго округа, сразу уменьшилось въ 23 раза, а въ житомирской гимназіи въ частности въ 60 разъ.

Подобный же подъемъ, какъ видно изъ историческихъ записокъ различныхъ гимназій, обнаружился также и въ жизни другихъ учебныхъ заведеній. Онъ совпалъ, какъ извѣстно, съ общимъ умственнымъ и нравственнымъ подъемомъ нашего общества, наступившимъ вслѣдъ за окончаніемъ крымской войны. Лучшіе и наиболѣе талантливые молодые люди не только не избѣгали педагогической дѣятельности, но, напротивъ того, неудержимо стремились занять учительскія кафедры, сознавая, что на этомъ именно поприщѣ съ наибольшей пользой можно послужить родинѣ. И житомирская гимназія, въ эту знаменательную эпоху, явилась истиннымъ свѣточемъ, о которомъ съ признательностью вспоминаютъ ея питомцы. Вообще, періодъ отъ 1858 по 1864 годъ былъ разцвѣтомъ въ жизни русской средней школы. Гимназическая молодежь этого времени научалась любить науку, уважать своихъ наставниковъ, неукротимо рвалась къ высшему образованію, насквозь пропитывалась стремленіемъ къ труду на пользу общества. Довѣріе къ гимназіямъ возросло. Въ этомъ именно періодѣ получили свое гимназическое образованіе дѣятели, вынесшіе на своихъ плечахъ великіе реформы 60-хъ годовъ.

Печальныя событія 1863 и 1864 годовъ замедлили прогрессивный ходъ нашей внутренней жизни. Почувствовались первые признаки грядущей реакціи, которая неминуемо должна была коснуться и русской школы. Въ концѣ 1864 года началась постепенная реформа гимназій, вполнѣ закончившаяся въ 1871 году. Классическая школа, или, вѣрнѣе, система графа Толстого смѣнила прежніе гимназіи. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на достоинствахъ и недостаткахъ собственно классической системы. По этому вопросу написаны цѣлые томы у насъ и заграницей. Остановимся лишь коротко на *общественномъ* значеніи реформы 1871 года.

Классическая реформа разработана у насъ небольшимъ кружкомъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Толстой, лично весьма мало знакомый съ древними языками. Сторонники классицизма выдвигали, главнымъ образомъ, тотъ аргументъ, что классическая система испытана вѣковымъ опытомъ, западно-

европейскихъ народовъ, что на классицизмѣ воспитались длинные ряды поколѣній, подарившіе миръ знаменитыми творцами науки. Но настроеніе русскаго общественнаго мнѣнія и русской интеллигенціи было рѣшительно противъ новой реформы. Опасались, что *одностороннее* увлеченіе классицизмомъ не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ и запросамъ жизни. Указывали, что на западѣ, на родинѣ классицизма, начинаетъ въ различныхъ формахъ проявляться реакція противъ этого направленія. Опасались, что у насъ, въ виду отсутствія классиковъ, некому даже будетъ провести реформу во всей ея чистотѣ. Опасались, наконецъ, что усиленіе классицизма, доведенное до крайности, отодвинетъ другіе основные предметы на задній планъ и неблагопріятно отразится на уровнѣ развитія и знаній учащихся. Предвидѣнія эти вполнѣ оправдались, какъ это констатировано нынѣ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, не исключая правительственныхъ сферъ.

Съ начала 60-хъ годовъ наступилъ у насъ періодъ усиленной работы во всѣхъ сторонахъ нашей внутренней жизни. Начались постройки желѣзныхъ дорогъ, сооруженіе заводовъ и вообще болѣе широкое развитіе промышленности; пробудилось стремленіе къ введенію у насъ раціональнаго сельскаго хозяйства. Во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной дѣятельности, понадобились люди практическаго дѣла, а въ нихъ то и чувствовался крупный недостатокъ. Жизнь предъявляла свои запросы, и классицизмъ шелъ въ разрѣзъ съ различными внутренними потребностями ея. Между тѣмъ, негдѣ было удовлетворить эти запросы *жизни:* число спеціальныхъ заведеній было крайне ничтожно; среднихъ и низшихъ профессіональныхъ школъ почти вовсе не существовало. Пришлось выписывать техниковъ изъ за-границы; пришлось, на вѣсъ золота, добывать инженеровъ, съ баснословными окладами; небольшая группа имѣющихся путейцевъ захватила въ свои руки все строительное дѣло и была причиной тѣхъ безобразій, которыя творились въ это время въ желѣзнодорожномъ и промышленномъ мірѣ. Обществу нужны были образованные дѣятели, работники, а гимназіи давали намъ истощенныхъ непосильнымъ трудомъ классиковъ. Короче говоря, введенная система не соотвѣтствовала ни насущнымъ потребностямъ времени ни настроенію общества. Необходимо замѣ-

тить, что на родинѣ классицизма явились тогда уже рѣзкіе протесты противъ этой системы. А у насъ, вопреки всему, рѣшили сдѣлать колоссальный экспериментъ надъ нѣсколькими поколѣніями русскихъ людей.

Для проведенія классицизма въ жизнь, у насъ не хватило даже педагогическаго персонала; не смотря на то, что правительство всѣми возможными льготами и поощреніями старалось привлечь молодежь на историко-филологическіе факультеты, классическія отдѣленія ихъ пустовали. Рѣшили тогда прибѣгнуть къ экстраординарной мѣрѣ: призвали такъ называемыхъ «братушекъ» (терминъ эпохи) для пополненія учительскихъ кадровъ. Эти пришлецы, незнакомые ни съ нашимъ языкомъ, ни съ нашими нравами, ни съ особенностями русскаго юношества, заполнили учительскія мѣста. Неудивительно, что мѣры эти принесли лишь отрицательные результаты.

Занявъ первенствующее положеніе въ школѣ, древніе языки отодвинули на задній планъ всѣ остальные предметы. Общее развитіе питомцевъ гимназій понизилось; знаніе литературы, исторіи и даже простой грамотности упало до крайняго минимума. Не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этой сторонѣ дѣла, такъ какъ указанные учебные дефекты классической школы много разъ констатировались съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ.

Но однимъ только перенесеніемъ центра тяжести школьнаго обученія къ классицизму далеко не объясняется причина неудачи этого направленія въ Россіи. Сущность дѣла заключается въ другомъ. Школу пытались сдѣлать орудіемъ политики. Новая система старалась отвлечь вниманіе подрастающаго поколѣнія отъ вопросовъ дня. Явно проглядывала тенденція повозможности затруднить доступъ въ среднія, и, тѣмъ самымъ, въ высшія учебныя заведенія, что достигалось повышеніемъ платы за право ученія, непомѣрной строгостью при переходныхъ и, особенно, окончательныхъ испытаніяхъ, введеніемъ особой системы письменныхъ испытаній. Требовали, чтобы зоркій глазъ педагога ни на минуту не упускалъ изъ вида питомца; его старались оградить даже отъ вліянія семьи, путемъ внѣшкольнаго надзора. Рядомъ циркуляровъ окончательно сковано было всякое проявленіе индивидуальности, какъ въ учащихся, такъ и въ учащихъ. Въ то-же время запрещена была

всякая критика школьной системы. Преподаватели, подавленные массой циркуляровъ, должны были стать въ положеніе нѣмыхъ исполнителей формальнаго, сухого отношенія къ дѣлу. Живая душа и сердце были изгнаны изъ школы. Очевидно, что подобное положеніе не могло установить добрыхъ отношеній между обществомъ и школой. Они стали въ положеніе двухъ враждебныхъ, вѣчно воюющихъ, сторонъ. Между школой и обществомъ наступилъ полный разладъ. Вслѣдствіе этого, было постепенно расшатано и потеряно довѣріе къ школѣ вообще, а затѣмъ исчезло и частное довѣріе, существовавшее раньше, къ отдѣльнымъ личностямъ. Даже лучшіе преподаватели потеряли прежній авторитетъ въ глазахъ учениковъ. Учительскіе ряды стали быстро рѣдѣть, и, наконецъ, разразился настоящій учительскій кризисъ. Дѣти слышали въ семьѣ одно только сплошное порицаніе школы, доходившее часто до крайности. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ развитъ духъ необоснованной, своеобразной критики. Этотъ видъ критики является, конечно, естественнымъ результатомъ нашихъ жизненныхъ условій. Лишенные возможности высказывать мнѣніе открыто и гласно, мы привыкаемъ къ брюзжанію, критикуемъ дѣйствія келейно, безъ оглядки и безъ корректива. Это не безпристрастная критика, а сплошное порицаніе, не щадящее ни личности ни традицій. Подобное затаенное келейное порицаніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше возможности обсуждать вопросъ въ печати. Было время, когда вопросъ о классицизмѣ былъ снятъ со столбцовъ газетъ и журналовъ. Къ сожалѣнію, это и былъ періодъ наибольшаго расшатыванія *довѣрія* къ школѣ. Если вопросы обсуждаются открыто, то, при этомъ, выступаютъ, во-первыхъ, люди близко знакомые съ трактуемымъ вопросомъ, а во-вторыхъ, дѣло обсуждается на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, поддающихся провѣркѣ и контролю. При келейной-же критикѣ является огромный просторъ слухамъ, сплетнямъ и всякимъ превратнымъ толкамъ. Дѣти прислушивались къ этимъ сужденіямъ старшихъ и еще болѣе проникались неуваженіемъ къ школѣ и ея порядкамъ. Непомѣрныя трудности, внесенныя новой системой въ ущербъ физическому развитію, вызвали взрывъ ненависти въ средѣ учащихся. Съ введеніемъ классицизма, стало весьма трудно пройти гимназическій курсъ, особенно въ первый періодъ его господства.

Вслѣдствіе этого, только немногія, наиболѣе талантливыя, дѣти могли учиться безъ репетитора. Репетиторство, это зло средней школы, достигло крайней степени. Репетиторствомъ занимались даже многіе преподаватели за солидное вознагражденіе, что нерѣдко переходило въ настоящее злоупотребленіе. Всѣмъ извѣстно, что репетиторъ выполняетъ всю работу вмѣсто ученика; онъ дѣлаетъ соотвѣтствующіе переводы, рѣшаетъ задачи; короче говоря, онъ тренируетъ ученика, начиняя его мимолетными знаніями. Все это, вмѣстѣ взятое, совершенно отучало дѣтей отъ самостоятельнаго труда и создало не одно безпомощное поколѣніе, неспособное къ самостоятельной работѣ. Отвращеніе къ классицизму породило нелюбовь къ наукѣ вообще и создало неудержимое стремленіе къ спеціальнымъ заведеніямъ, сулившимъ золотыя горы; оно привило, въ видѣ реакціи, то утилитарное направленіе, которое сдѣлалось господствующимъ въ средѣ молодежи 80-хъ и особенно 90-хъ годовъ. Явилось стремленіе не къ пріобрѣтенію знаній, а къ полученію диплома, стремленіе, которое, какъ тяжелое наслѣдіе прошлаго, и до сихъ поръ чувствуется даже въ университетѣ. Трудности гимназической науки сдѣлали то, что средняя школа стала терять на своемъ пути массу учениковъ, которые исключались и выбрасывались за бортъ заведенія. Крайнія партіи стали рекрутировать, въ средѣ исключаемыхъ, своихъ адептовъ. Число исключаемыхъ изъ гимназій одно время было такъ велико, что шефу жандармовъ поручено было детально изучить этотъ вопросъ. Намъ неизвѣстно, къ чему привело это изслѣдованіе. Общее число учащихся, а также число оканчивающихъ курсъ съ аттестатами зрѣлости значительно понизилось въ первое десятилѣтіе послѣ введенія реформы, т. е. въ періодъ наибольшихъ строгостей. Для примѣра приводимъ слѣдующую таблицу, заимствованную изъ имѣющейся у меня подъ рукой исторической записки 2-ой одесской гимназіи.

Годы.	Общее число учениковъ.	Число учениковъ, окончившихъ полный курсъ.	Въ %.
1848	477	—	—
1849	507	34	6.7
1850	515	27	5.2
1851	534	33	6.2

Годы.	Общее число учениковъ.	Число учениковъ, окончившихъ полный курсъ.	Въ °/₀.
1852	491	25	5.1
1853	399	27	6.8
1854	369	21	5,7
1855	344	22	6.4
1856	386	9	2.3
1857	418	7	1.7
1858	435	14	3.2
1859	346	4	1.2
1860	474	8	1.7
1861	332	0	0.0
1862	354	8	2.3
1863	375	3	0.8
1864	341	8	2.3
1865	308	4	1.3
1866	293	4	1.4
1867	284	10	3.5
1868	275	8	2.9
1869	291	20	6.9
1870	304	7	2.3
1871	204	13	6,4
1872	195	7	3.6
1873	183	0	0.0
1874	157	5	3.2
1875	158	11	7.0
1876	165	10	6.1
1877	173	10	5.8
1878	186	5	2.7
1879	205	8	3.9
1880	231	9	3.9
1881	247	14	5.7
1882	248	21	8.5
1883	251	18	7.2
1884	251	18	7.2

Годы.	Общее число учениковъ.	Число учениковъ, окончившихъ полный курсъ.	Въ %.
1885	252	29	11.5
1886	253	15	5.9
1887	237	21	8.8
1888	305	21	6.9
1889	312	22	7.1
1890	350	23	6.6
1891	354	37	10.5
1892	360	34	9.4
1893	356	30	8.4
1894	333	31	9.3
1895	356	31	8.7
1896	355	26	7.3
1897	400	31	8.0

Всего окончило за 50 лѣтъ 837 учениковъ, что составляетъ среднимъ числомъ 16.7 въ годъ.

Усиленіе трудностей гимназическаго курса вызывало со стороны учащихся своего рода оборонительныя мѣры, которыя крайне деморализовали школу и окончательно подорвали довѣріе къ ней. Къ такимъ мѣрамъ слѣдуетъ отнести приглашеніе своихъ же собственныхъ преподавателей для данія частныхъ уроковъ и, что еще хуже, разнообразнѣйшую систему обмановъ, въ которой нерѣдко участвовали сами родители: такъ называемыя «шпаргалки», усиленное подсказываніе на урокахъ и даже экзаменахъ, списываніе и, какъ высшее зло, — покупка экзаменныхъ темъ. Мы уже сказали, что, параллельно съ введеніемъ классической системы, водворилась у насъ также система недовѣрія не только къ учащимся и ихъ семьямъ, но и къ самымъ, такъ сказать, проводителямъ классицизма, т. е. къ преподавательскому персоналу. Рядомъ циркуляровъ совершенно была скована самодѣятельность и индивидуальность преподавателя. Усиленъ былъ всевозможный контроль, и одно изъ средствъ этого контроля заключалось въ томъ, что задачи для письменныхъ испытаній присылались изъ канцеляріи учебнаго округа, секретнѣйшимъ образомъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, чуть не собственноручно надписанныхъ попечителемъ округа. И, не-

смотря на эти предосторожности, всѣ принятыя мѣры не приводили къ желаннымъ результатамъ. Найдены были тысячи способовъ обойти законъ. Стали *покупать* темы, несмотря на всю таинственность, которой были обставлены ихъ составленіе и присылка. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ извѣстно, образовалась цѣлая, правильно функціонировавшая, организація, которая, за извѣстное вознагражденіе, доставала темы. Отвѣты приготовлялись заранѣе, причемъ для вящшаго замаскированія подлога, испещрялись нѣкоторымъ числомъ ошибокъ, соотвѣтственно большей или меньшей успѣшности каждаго ученика. Обманъ, лицемѣріе въ средѣ питомцевъ средней школы, считались чуть-ли не доблестью. На пути деморализаціи, казалось, итти было некуда. Интересно, что въ нѣкоторыхъ округахъ, на основаніи подобныхъ письменныхъ отвѣтовъ, устанавливалась градація гимназій по ихъ успѣшности и щедрой рукой раздавались поощренія и порицанія преподавателямъ. Какое уваженіе могла внушить подобная школа? Неудивительно, поэтому, что ученики проникались презрѣніемъ къ гимназіи, неуваженіемъ къ средней школѣ; они съ нетерпѣніемъ ожидали дня окончанія курса, или вѣрнѣе, дня полученія диплома. Погоня за дипломами оттѣснила всѣ другіе интересы. Но, что особенно печально, это-же неуваженіе, это стремленіе къ дипломамъ, при затратѣ минимальнаго количества труда, юноши переносили и въ стѣны университета, и здѣсь полученіе хорошей отмѣтки, при возможно меньшемъ количествѣ труда, было положено въ основу отношеній студента къ профессору. Въ представленіи студентовъ, классификація профессоровъ нерѣдко производилась по большей или меньшей ихъ требовательности на экзаменахъ.

Усиленный внѣшкольный надзоръ не принесъ никакихъ плодовъ, доказательствомъ чего можетъ служить та несомнѣнная распущенность, которую констатируетъ циркуляръ г. министра отъ 28 іюня 1903 года. Впрочемъ, само министерство народнаго просвѣщенія въ лицѣ своего Ученаго Комитета, недавно высказалось, какъ мы уже раньше упомянули, отрицательно по вопросу о внѣшкольномъ надзорѣ даже надъ учащимися въ городскихъ училищахъ.

Вообще, мертвая бумага, формальное отношеніе къ дѣлу получили преобладающее значеніе въ школѣ. Естественнымъ

дополненіемъ къ реформѣ средней школы явилась, близкая по духу и цѣлямъ, университетская реформа 1884 года. До какой степени форма, даже въ высшей школѣ, получила преимущество передъ сущностью, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Съ введеніемъ новаго университетскаго устава 1884 года, установленъ былъ слѣдующій порядокъ составленія и утвержденія распредѣленія университетскихъ лекцій. Профессора подаютъ на имя декана заявленіе о лекціяхъ на предстоящій академическій годъ, съ указаніемъ учебныхъ пособій. На основаніи этихъ заявленій, составляется распредѣленіе дней и часовъ этихъ лекцій, которое, послѣ заслушанія въ факультетѣ и совѣтѣ, представляется на утвержденіе министерства. Министерство утверждаетъ эти распредѣленія, иногда сопровождая ихъ своими замѣчаніями, составленными, по всей вѣроятности, въ ученомъ комитетѣ. Если распредѣленіе утверждено, то дни и часы отдѣльныхъ лекцій, такъ сказать, фиксированы на все полугодіе. Всякое перенесеніе отдѣльной лекціи съ одного дня на другой или даже съ одного часа на другой часъ того же дня вызываетъ весьма сложную переписку. Между тѣмъ, подобныя перенесенія происходятъ постоянно. По большей части, такія перестановки дѣлаются по просьбѣ студентовъ и вызываются ихъ желаніемъ посѣщать лекціи и практическія занятія другихъ курсовъ или вообще стремленіемъ удобнѣе распредѣлить свои дневныя занятія. При этомъ, профессоръ, желающій перенести свои лекціи на другой часъ, долженъ подать рапортъ въ факультетъ. Въ ближайшемъ своемъ засѣданіи факультетъ опредѣляетъ ходатайствовать о перенесеніи лекціи. Бумага изъ факультета направляется къ ректору университета; ректоръ, въ свою очередь, обращается къ попечителю, отъ котораго зависитъ удовлетворить ходатайство факультета. Разрѣшительная бумага попечителя совершаетъ обратный ходъ и попадаетъ въ факультетъ. Бывали случаи, что нѣкоторые попечители запрашивали (черезъ ректора), какими мотивами руководится факультетъ въ своемъ ходатайствѣ о перенесеніи лекцій. При полученіи отвѣта, что перенесеніе дѣлается для болѣе удобнаго распредѣленія учебныхъ занятій, ходатайство удовлетворяется. Бывали примѣры, что разрѣшеніе относительно перенесенія лекцій получалось въ факультетѣ послѣ окончанія семестра и *прекращенія* университетскихъ чтеній. При всей этой процедурѣ проис-

ходитъ только бумажная волокита, не вредящая дѣлу, ибо практика выработала иной пріемъ. Профессоръ подаетъ рапортъ о перенесеніи лекцій и, частнымъ образомъ, немедленно переноситъ лекціи на новый часъ, а разрѣшеніе попечителя получается уже заднимъ числомъ. Но представимъ себѣ, что въ университетъ вступаетъ новый преподаватель въ теченіе лѣта, и, слѣдовательно, его лекціи не вошли въ общее распредѣленіе, которое обыкновенно составляется въ апрѣлѣ и не позже мая. Подобный профессоръ не имѣетъ права начать, съ открытіемъ академическаго года, своихъ чтеній. Представленное имъ распредѣленіе должно совершить обычное «движеніе»; оно должно быть утверждено факультетомъ и пройти черезъ совѣтъ, направиться къ попечителю округа, а этотъ послѣдній представляетъ на утвержденіе министерства. Затѣмъ бумага должна совершить обратный путь въ университетъ. Проходитъ сентябрь, иногда часть октября, а лекціи новаго профессора не начинаются, такъ какъ бумага не совершила своего полнаго движенія. Потеряно полтора—два мѣсяца лучшаго осенняго семестра. Напримѣръ, въ одномъ изъ университетовъ первая лекція вновь назначеннаго профессора по каѳедрѣ ботаники могла состояться *лишь* 15-го октября. И этотъ порядокъ вещей держится и до нынѣ безъ всякихъ измѣненій, несмотря на то, что во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стояли профессора университета, близко знакомые съ этимъ анормальнымъ явленіемъ. Факультеты, очевидно, несвободны даже въ вопросахъ, касающихся составленія и измѣненія часовъ лекцій.

Нельзя не признать, что въ воспитательной практикѣ, соблюденіе *одной только формы* можетъ при извѣстныхъ условіяхъ вредно отразиться на сущности дѣла. Пояснимъ нашу мысль на частномъ примѣрѣ. Бывали случаи, что студенты обращались къ профессорамъ съ просьбой не читать положенныхъ по росписанію лекцій, дабы они могли въ это время обсудить свои текущія дѣла. Спрашивается, какъ долженъ поступить профессоръ? По этому поводу высказывалось мнѣніе, что профессора должны читать лекціи въ установленное время, не отмѣняя ихъ по своему усмотрѣнію, хотя-бы и изъ вполнѣ благонамѣренныхъ побужденій.

При нормальномъ теченіи университетской жизни, студенты никогда не обращаются къ профессорамъ съ просьбой

отмѣнить лекцію. Подобныя обращенія возможны лишь въ дни такъ называемыхъ студенческихъ волненій. Въ подобныхъ случаяхъ, просьба объ отмѣнѣ лекціи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, *отказъ* отъ слушанія, выраженный въ болѣе вѣжливой формѣ. Тутъ необходимо предоставить профессору поступить такъ или иначе въ каждомъ данномъ частномъ случаѣ въ зависимости отъ настроенія аудиторіи, формы обращенія и т. под. Если профессоръ станетъ настаивать и упорствовать въ своемъ желаніи читать лекцію, то, какъ показалъ опытъ, можетъ случиться одно изъ двухъ: или *всѣ* студенты оставятъ аудиторію или произойдетъ расколъ въ средѣ молодежи, и только часть слушателей удалится. Въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшается самъ собою въ ущербъ достоинству профессора. Во второмъ, настроеніе оставшихся слушателей далеко не будетъ соотвѣтствовать серьезности лекціи. Такой расколъ всегда сопровождается приподнятымъ настроеніемъ, спорами, дебатами, ожиданіемъ непріятностей со стороны удалившихся товарищей и другими нежелательными осложненіями, несоотвѣтствующими достоинству и святости аудиторіи. Все это, вмѣстѣ взятое, обращаетъ лекцію въ простую формальность. Лекція, прочитанная при подобныхъ условіяхъ, можетъ дать толчекъ къ бурнымъ сценамъ и даже оскорбленію профессора. Чтеніе лекцій возможно лишь при совершенно спокойной, безоблачной атмосферѣ. Науку нельзя профанировать и обращать ее въ орудіе дисциплинарныхъ мѣропріятій. Университетъ, въ лицѣ своихъ преподавателей должен пріучать своихъ питомцевъ къ тому взгляду, что всякія занятія въ университетѣ представляютъ, своего рода, священнодѣйствіе. Такту профессора необходимо, по моему мнѣнію, предоставить рѣшеніе вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, съ наибольшей пользой для достоинства университета. Вопросъ этотъ слишкомъ тонокъ и едва-ли поддается какой-либо регламентаціи. Наконецъ, въ послѣднее время, въ университетахъ составилась группа студентовъ, какъ противовѣсъ обструкціонистамъ, желавшая парализовать значеніе обструкцій и, во что-бы то ни стало, поддержать университетскія занятія. Члены этой группы во время забастовокъ являлись по очереди на лекціи, независимо отъ своей спеціальности. Такъ, на лекцію чистой математики собирались юристы, филологи и т. д. Но мнѣ кажется, что этотъ способъ борьбы съ обструкціей едва-ли ра-

ціоналенъ: лекціи не слѣдуетъ дѣлать орудіемъ борьбы съ безпорядками. Съ другой стороны, подобный пріемъ слишкомъ обиденъ для профессора; онъ обращаетъ профессора въ простую говорильную машину, которая, какъ заведенный механизмъ, должна проговорить свой часъ. Отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы профессоръ читалъ свой часъ въ совершенно пустой аудиторіи, какъ это, говорятъ, и случилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Еще одинъ фактъ, внесенный въ практику уставами учебныхъ заведеній послѣдняго тридцатилѣтія. При университетѣ, какъ извѣстно оставляются болѣе талантливые люди для приготовленія къ профессорскому званію. Эти, такъ называемые, профессорскіе стипендіаты обязаны представлять годовые или полугодовые отчеты о ходѣ своихъ подготовительныхъ работъ. Подготовительныя работы происходятъ на основаніи особой инструкціи, которая составляется профессоромъ-руководителемъ и предварительно разсматривается ученымъ комитетомъ и утверждается министерствомъ. Профессоръ-руководитель представляетъ факультету письменный отзывъ о годовомъ отчетѣ стипендіата, и этотъ отзывъ, послѣ одобренія его факультетомъ, направляется, вмѣстѣ съ отчетомъ, въ министерство. Министерство передаетъ его на разсмотрѣніе ученаго комитета и присылаетъ замѣчанія комитета факультету къ свѣдѣнію и руководству. И такъ, въ ходѣ подготовленія молодого человѣка къ каѳедрѣ, все, до мельчайшихъ подробностей, регламентировано. Инструкція одобрена, указаны даже курсы, трактаты и мемуары, которые должны штудироваться стипендіатами. Тѣмъ не менѣе, возможны на практикѣ случаи, когда отчетъ стипендіата, одобренный профессоромъ-руководителемъ и факультетомъ, встрѣчаетъ неодобреніе со стороны ученаго комитета. Такой порядокъ вещей показываетъ до какой степени доведено недовѣріе даже къ дѣятелямъ высшей школы. Министерство не признаетъ компетенціи факультетовъ даже въ дѣлѣ простого руководительства занятіями молодыхъ людей, подготовляющихся къ экзамену на степень магистра. А между тѣмъ, по закону, тѣмъ же факультетамъ и университетамъ предоставлено окончательное право рѣшать болѣе серьезные вопросы, а именно, присуждать магистерскія и докторскія степени, дающія право занимать каѳедры.

Если подобными регламентаціями обставлена высшая школа, то какова же степень довѣрія къ представителямъ среднихъ училищъ?

Итакъ, реформы 1871 и 1884 годовъ, а главное, способъ ихъ проведенія въ жизнь, подорвали довѣріе къ школѣ и вызвали всеобщій ропотъ: эта была «прискорбная страница» въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперешнія колебанія, которыя начались въ 1901 году и продолжаются и до нынѣ, могутъ еще болѣе дискредитировать школу и, тѣмъ самымъ, способствовать той расшатанности, на которую указываетъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія.

Справедливость требуетъ признать, что само общество, въ лицѣ родителей, немало способствуетъ этой расшатанности. Благодаря отсутствію у насъ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ и гласности, мы слишкомъ заняты будничными мелочами, пошлыми, чисто утилитарными заботами. Закулисная, мелкая, безпринципная критика приводитъ къ уничтоженію всѣхъ традицій, безъ всякаго разбора; вслѣдствіе этого, семья, все болѣе и болѣе, теряетъ свое значеніе. Родительская власть и авторитетъ дѣлаются анахронизмомъ. Нерѣдко родители сами способствуютъ порчѣ своихъ дѣтей, не направляя ихъ въ хорошую сторону, а потакая ихъ низменнымъ инстинктамъ. Раннее посѣщеніе оперетокъ, кафе-шантановъ—обыденное явленіе. Загородные сады полны гимназистовъ. Отсутствіе здоровыхъ интересовъ въ семьѣ и обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою низменные интересы среди подростающаго поколѣнія. Такимъ образомъ, причину упадка школы слѣдуетъ искать также въ ненормальномъ состояніи нашей семьи и нашего общества.

Строгости и формализмъ новой системы были особенно чувствительны въ семидесятыхъ и первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ противоположность этому, какимъ свѣтлымъ оазисомъ являлись тогда военно-учебныя заведенія подъ руководствомъ просвѣщеннаго главнаго начальника Николая Васильевича Исакова. Автору этой статьи пришлось преподавать въ эту эпоху въ кіевской, а также въ 1-ой и 2-ой петербургскихъ военныхъ гимназіяхъ. Особенно памятно время, проведенное въ кіевской военной гимназіи при директорахъ Г. П. Кузьминѣ-Караваевѣ и П. Н. Юшеновѣ. Военныя гимназіи были раздѣ-

лены на несмѣшивающіеся между собою возрасты. Классы, численностью не болѣе 30—35 человѣкъ въ каждомъ, находились подъ руководствомъ особыхъ воспитателей, на выборъ которыхъ было обращено преимущественное вниманіе. Воспитатель являлся руководителемъ, къ которому безбоязненно и довѣрчиво обращались воспитанники. Воспитатели, въ повседневной жизни, являлись нерѣдко старшими товарищами воспитанниковъ. Воспоминаніе о такихъ руководителяхъ, какъ К. П. Смысловскій, А. А. Шевченко, Опоковъ, несомнѣнно навсегда запечатлѣлось въ сердцахъ бывшихъ воспитанниковъ кіевской военной гимназіи. Особенное вниманіе директоровъ было обращено на выборъ преподавателей. Исходя изъ того взгляда, что въ учебномъ дѣлѣ весьма важна солидарность и единство педагогическихъ взглядовъ, гг. Кузьминъ-Караваевъ и Юшеновъ предоставляли наличному преподавательскому персоналу рекомендовать и даже приглашать новыхъ преподавателей въ случаѣ открывающейся вакансіи. Кадры преподавателей пополнялись частью лучшими преподавателями учебнаго округа, а частью питомцами спеціальныхъ военно-педагогическихъ курсовъ, организованныхъ при второй петербургской военной гимназіи, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный педагогъ генералъ Даниловичъ. Если прибавимъ къ этому гуманное отношеніе, какъ директора гимназіи, такъ и высшихъ военно-учебныхъ властей, предоставлявшихъ каждому преподавателю значительный просторъ въ его педагогической дѣятельности, то станетъ понятнымъ, почему лучшія педагогическія силы того времени считали за счастье перейти въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, въ кіевской военной гимназіи составился, можно сказать, блестящій преподавательскій персоналъ, столь памятный бывшимъ питомцамъ кіевской военной гимназіи: В. Ф. Барсовъ, В. Л. Беренштамъ, Голицынскій, П. И. Житецкій, Г. В. Котельниковъ, Крамеръ, В. В. Курбановъ, П. К. Любимовъ, Саратовъ, А. Ф. Сластіонъ, И. В. Слешинскій, Е. Е. Цвѣтковскій и другіе. Весь учительскій персоналъ былъ воодушевленъ особой любовью къ своему дѣлу. Это былъ періодъ какого-то не только подъема, но просто увлеченія педагогическими и воспитательными задачами. Многіе преподаватели, имѣя по 30—36 уроковъ въ недѣлю, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не пропустили ни одного урока; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, являлись на

вечернія занятія и помогали болѣе слабымъ воспитанникамъ. Съ цѣлью усовершенствованія дидактическихъ пріемовъ преподаванія, организованы были образцовые уроки. Каждую недѣлю по субботамъ, въ вечерніе часы болѣе опытные преподаватели по очереди давали пробные уроки въ присутствіи всего учебнаго персонала. Уроки эти подробно обсуждались, вслѣдъ за окончаніемъ урока, въ особомъ засѣданіи. Для обсужденія же педагогическихъ вопросовъ вообще составилось, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи, частное педагогическое общество, въ засѣданіяхъ котораго читались и обсуждались рефераты на педагогическія темы. Въ этомъ обществѣ подвергались также предварительному обсужденію различные случаи изъ жизни гимназіи, проступки воспитанниковъ и т. п. Для обмѣна мыслей по педагогическимъ, научнымъ, литературнымъ и философскимъ вопросамъ основанъ былъ, при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, особый органъ «Педагогическій Сборникъ», издававшійся подъ редакціей Весселя. Преподаваніе не было втиснуто въ канцелярскія рамки. Преподаватель обыкновенно подвигался изъ класса въ классъ вмѣстѣ съ своими воспитанниками. Вслѣдствіе этого, преподавателю предоставленъ былъ значительный просторъ въ распредѣленіи во времени учебнаго матеріала. Непройденное въ одномъ классѣ дополнялось, безъ ущерба для дѣла, въ слѣдующемъ. Допускалась извѣстная индивидуализація въ выборѣ методовъ и пріемовъ преподаванія. Одинъ изъ преподавателей математики, нынѣ профессоръ, И. В. Слешинскій, началъ преподаваніе алгебры въ 3-мъ классѣ съ точки зрѣнія символизма, уясняющаго внутренній смыслъ математическихъ символовъ и операцій надъ ними; вслѣдствіе этого, практическая сторона дѣла, т. е. механизмъ дѣйствій, былъ нѣсколько отодвинутъ на задній планъ. Но это было только временно. Въ слѣдующихъ классахъ, воспитанники, усвоивъ себѣ болѣе философскій взглядъ на математику, легко овладѣли внѣшними пріемами механизма и на окончательномъ экзаменѣ обнаружили блестящее знаніе и пониманіе всего элементарнаго курса математики; особенно блестящи были отвѣты ихъ по аналитической геометріи. Могутъ намъ возразить, что предоставленіе преподавателю такого простора способно вызвать иногда вредныя послѣдствія и что вообще подобные дидактическіе и методическіе эксперименты весьма опасны.

Но, въ данномъ случаѣ, въ успѣшномъ ходѣ дѣла была заинтересована вся коллегія; всѣ новые пріемы обсуждались въ собраніяхъ, которыя своими совѣтами и рѣшеніями вносили свой коррективъ. Вообще, взаимное довѣріе и довѣріе, какъ директора, такъ и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, поддерживали это рвеніе, это педагогическое увлеченіе. Каждый чувствовалъ, что онъ несетъ долю отвѣтственности въ этомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ обученія и воспитанія, и стремился быть не ремесленникомъ, а художникомъ. Всѣ вопросы воспитательнаго и педагогическаго характера всесторонне обсуждались въ оффиціальныхъ педагогическихъ совѣтахъ. Не смотря на то, что, по смыслу закона, педагогическіе совѣты военныхъ гимназій имѣли лишь *совѣщательный* характеръ, я не помню случая, чтобы директоръ поступилъ вопреки рѣшенію большинства комитета: такъ велико было довѣріе начальника заведенія къ авторитету и безпристрастію педагогическаго комитета.

Замѣтимъ при этомъ, что кіевская военная гимназія не составляла какого либо счастливаго исключенія въ ряду другихъ гимназій. Таково было общее направленіе военно-учебныхъ заведеній. Неудивительно, поэтому, что военно-учебныя заведенія стояли такъ высоко въ общественномъ мнѣніи и что къ нимъ относились съ величайшимъ довѣріемъ родители учащихся.

Прибавимъ, наконецъ, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ давно уже было обращено вниманіе на физическое здоровье учащихся: танцы, гимнастика, ремесла входили, какъ необходимый элементъ воспитанія. Покойный П. Н. Юшеновъ, еще въ 70-хъ годахъ, обратилъ вниманіе на важное воспитательное значеніе ученическихъ экскурсій. Воспитанники кіевской военной гимназіи, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, совершили двѣ экскурсіи: одну въ Крымъ, другую—въ южную часть кіевской губерніи для осмотра заводовъ и образцовыхъ хозяйствъ.

Но особенной отличительной чертой тогдашнихъ военныхъ гимназій было гуманное, сердечное, истинно-отеческое отношеніе воспитателей и преподавателей къ воспитываемому юношеству. Въ гимназіяхъ не существовало никакихъ наградъ при переходѣ изъ класса въ классъ и при окончаніи курса. Увольненіе изъ учебнаго заведенія было крайней мѣрой, весьма рѣдкой и экстраординарной. Проступокъ, влекущій за собой уволь-

неніе, подвергался всестороннему обсужденію въ общемъ собраніи комитета; всѣ высказанныя въ комитетѣ мнѣнія представлялись въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, отъ котораго и зависѣло окончательное рѣшеніе. Изъ сказаннаго видно, какъ осторожно и осмотрительно относилось вѣдомство это къ вопросу объ исключеніи учениковъ изъ школы. Школа, понимая истинныя свои задачи, прежде всего истощала всѣ способы исправленія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгала къ оперативному методу.

Вообще, исторія военно-учебныхъ заведеній того періода составила свѣтлую страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Къ счастью для русскаго общества, всѣ печальныя стороны и недостатки реформы 1871 года не остались незамѣченными. Объ этихъ недостаткахъ, на сколько позволяли цензурныя правила, указывали въ печати. Само министерство народнаго просвѣщенія старалось постепенно сглаживать всѣ рѣзкости новой системы: уменьшены строгости на испытаніяхъ зрѣлости; измѣненъ порядокъ составленія экзаменныхъ задачъ; постепенно стало увеличиваться число учениковъ, переводимыхъ изъ класса въ классъ и получающихъ аттестаты зрѣлости. Для удовлетворенія назрѣвшей потребности въ практическомъ, профессіональномъ образованіи, стали заботиться объ увеличеніи числа спеціальныхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ случаѣ, нѣсколько даже форсировали дѣло, открывая одновременно нѣсколько высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, причемъ, естественно, пришлось натолкнуться на недостатокъ подготовленныхъ профессоровъ и преподавателей. Для преподаванія общихъ предметовъ пришлось прибѣгнуть къ помощи университетскихъ преподавателей, вынужденныхъ дѣлить свои силы между нѣсколькими заведеніями, въ ущербъ своему прямому дѣлу. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно показало, что общественное мнѣніе не было такъ неправо, становясь нѣкогда въ оппозицію къ насадителямъ новой системы въ Россіи. Съ другой стороны, уступки, сдѣланныя еще въ министерство графа Делянова, одного изъ наиболѣе рьяныхъ защитниковъ классицизма, подорвали вѣру, какъ въ цѣльность системы, такъ и въ компетентность той группы правительственныхъ лицъ, которымъ Высочайше поручено было веденіе столь высокаго дѣла, какъ народное просвѣщеніе. Министерство генералъ-адъютанта Ва-

новскаго открыло обществу нѣкоторыя перспективы: возможность полной реформы нашей средней школы. Съ уходомъ П. С. Ванновскаго, дѣло реформы остановилось, и мы являемся свидѣтелями небывалаго, вѣроятно, факта въ лѣтописяхъ школы: планы распредѣленія уроковъ утверждаются на *одинъ* годъ, что можно разсматривать какъ признакъ неустойчивости во взглядахъ на задачи и цѣли средней школы даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, вѣдающихъ просвѣщеніемъ Россіи.

Исцѣлить, оздоровить нашу школу—задача нелегкая, требующая огромнаго напряженія силъ и энергіи, какъ со стороны правительственныхъ сферъ, такъ и со стороны самого общества. Одно только несомнѣнно, что, при реформѣ школы, необходимо принять во вниманіе указанія опыта, указанія прошлаго, запросы современной жизни.

Всякая средняя и низшая школа, прежде всего, должна давать общее развитіе и извѣстный запасъ знаній, не предрѣшая преждевременно вопроса о будущей спеціальности своихъ питомцевъ; кромѣ того, она должна пріучить учениковъ къ самостоятельной работѣ и честному исполненію долга. Матеріальныя средства и интеллектуальныя способности позволяютъ далеко не всѣмъ воспитанникамъ гимназіи пройти всѣ ступени школьной лѣстницы до университета включительно; въ виду этого, школа должна быть такъ устроена, чтобы она могла постепенно и концентрически раздвигать кругозоръ учащихся и дать своимъ питомцамъ, задержаннымъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, на извѣстной ступени, опредѣленное и цѣльное образованіе и міросозерцаніе. Этому условію можетъ удовлетворить только *единая* для всѣхъ школа, въ которой образованіе распредѣляется по замкнутымъ и вполнѣ законченнымъ цикламъ. Предварительную ступень составляютъ школы простой грамотности, курсъ ученія въ которыхъ ограничивается толковымъ изученіемъ молитвъ, чтеніемъ, письмомъ и счетомъ. Далѣе слѣдуетъ *первый* двухлѣтній циклъ, соотвѣтствующій народнымъ училищамъ. На этой ступени дѣти проходятъ Законъ Божій, русскій языкъ (чтеніе, письмо, основы грамматики), ариѳметику (цѣлыя числа и простыя дроби), родиновѣдѣніе (начала географіи, основныя понятія о землѣ и мірозданіи), чистописаніе, начала черченія и рисованія. Весьма полезно въ школахъ этого цикла отвести особые часы для занятій разными ручными ре-

меслами, садоводствомъ, пчеловодствомъ, шелководствомъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Дѣти, окончившія первый циклъ, поступаютъ во *второй* циклъ, въ составъ котораго входитъ опять вполнѣ законченный кругъ знаній: Законъ Божій, русскій языкъ, языки французскій и нѣмецкій, географія съ естествознаніемъ, математика (ариѳметика, пропедевтическая алгебра и геометрія), чистописаніе, черченіе и рисованіе.

Курсъ ученія на этой ступени продолжается три года и соотвѣтствуетъ тремъ или четыремъ низшимъ классамъ гимназіи. Ученики, окончившіе этотъ циклъ, получаютъ соотвѣтствующій аттестатъ, которому присвоены извѣстныя права.

На первыхъ двухъ ступеняхъ, всѣ дѣти, безъ исключенія, получаютъ одинаковую подготовку. Болѣе ранняя спеціализація мнѣ представляется нераціональной. Только къ концу *второго* цикла могутъ, хотя нѣсколько, выясниться способности и склонности отроковъ. А поэтому, лишь въ *третьемъ* циклѣ возможно допустить нѣкоторую дифференцировку учащихся. Лица, подготовляющіяся къ университету или въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, продолжаютъ свое ученіе въ общеобразовательномъ отдѣленіи *третьяго* (3-годичный курсъ) цикла. Остальные, которымъ почему-либо не представится возможнымъ продолжать высшее образованіе, направляются въ профессіональныя отдѣленія того-же третьяго цикла: ремесленное, желѣзнодорожное, электро-техническое, лѣсное, сельско-хозяйственное и т. п. Въ общеобразовательномъ отдѣленіи преподаются предметы общаго гимназическаго курса, сообразно ниже приведенному плану, съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ. Греческій языкъ обязателенъ лишь для будущихъ слушателей историко-филологическихъ факультетовъ. Профессіональное отдѣленіе подготовляетъ работниковъ, могущихъ занимать среднія техническія мѣста. Впрочемъ, окончившіе профессіональныя отдѣленія имѣютъ право поступать въ университетъ и высшія спеціальныя заведенія по выдержаніи соотвѣтствующаго дополнительнаго испытанія.

Характеръ занятій въ отдѣльныхъ циклахъ располагается тоже концентрически. Число недѣльныхъ уроковъ постепенно увеличивается отъ низшаго цикла къ старшему. На низшихъ ступеняхъ преобладаетъ классное обученіе; но, по мѣрѣ поднятія вверхъ, постепенно присоединяется домашняя работа, до-

машнее приготовленіе уроковъ, дабы пріучить молодыхъ людей къ самостоятельной работѣ, къ самостоятельному штудированію по учебникамъ. Въ старшемъ классѣ третьяго цикла огромное значеніе могли-бы имѣть тѣ необязательныя внѣклассныя занятія, которыя, въ послѣднее время, организованы въ Петербургѣ. Эти занятія служатъ естественной переходной ступенью отъ занятій ученика къ самостоятельной работѣ студента; онѣ заполняютъ и сглаживаютъ рѣзкій переходъ отъ гимназіи къ университету. Въ каждомъ изъ трехъ цикловъ обращается особое вниманіе на физическое развитіе учащихся, съ каковою цѣлью, вводится гимнастика, игры, занятія ремеслами, музыка. Въ лѣтнее время устраиваются экскурсіи.

Каждый циклъ составляетъ совершенно самостоятельное, независимое другъ отъ друга, учебное заведеніе. Воспитанники различныхъ цикловъ не смѣшиваются между собою, чѣмъ устраняется возможное вредное вліяніе старшихъ на младшихъ. Дисциплинарный режимъ тоже видоизмѣняется соотвѣтственно возрасту. Въ настоящее время, въ нашихъ гимназіяхъ, въ которыхъ собраны дѣти отъ 9—10 лѣтъ до 20-ти, крайне трудно и даже невозможно установить градацію и постепенное ослабленіе дисциплинарныхъ требованій отъ I класса къ VIII-му. Вслѣдствіе этого, ученики старшихъ классовъ позволяютъ себѣ различныя отступленія отъ *общихъ* правилъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ младшіе питомцы заведеній, что и влечетъ за собой постепенное развитіе той распущенности, на которую указываетъ циркуляръ. Мнѣ кажется, что раздѣленіе возрастовъ, съ установленіемъ для каждаго изъ нихъ особыхъ, соотвѣтствующихъ каждому возрасту правилъ, есть одно изъ главныхъ средствъ для поддержанія раціональной дисциплины въ школѣ.

Примѣрное распредѣленіе числа часовъ учебныхъ занятій могло-бы быть, по моему мнѣнію, выражено слѣдующими таблицами:

ПЕРВЫЙ ЦИКЛЪ.

	I Отдѣленіе.	II Отдѣленіе.
Законъ Божій	2	2
Русскій языкъ	4	4
Родиновѣдѣніе[1])	3	3

[1]) Родиновѣдѣніе, какъ преддверіе географіи, съ общими понятіями о землѣ.

Ариѳметика	3	2
Рисованіе и черченіе	3	3
Чистописаніе	2	2
Общее	17	17

ВТОРОЙ ЦИКЛЪ.

КЛАССЫ.	I	II	III	IV
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ (чтеніе авторовъ, упражненіе въ сочиненіяхъ	4	3	3	4
Французскій языкъ	3	3	3	3
Нѣмецкій языкъ	—	3	3	3
Исторія (краткій курсъ)	—	—	3	3
Географія и Естествознаніе	3	3	3	3
Математика, пропедевтика физики, черченіе и рисованіе	6	6	7	7
Чистописа́ніе	1	1	—	—
Всего	19	21	24	25

ТРЕТІЙ ЦИКЛЪ.

КЛАССЫ:	I	II	III
Законъ Божій	2	2	2
Русскій языкъ, русская и иностранная литература, сочиненія	4	4	4
Французскій языкъ	3	3	3
Нѣмецкій языкъ	3	3	3
Латинскій языкъ	3	3	3
Исторія русская и всеобщая	3	3	3
Географія и Естествознаніе	3	3	3
Математика, физика съ космографіей, черченіе	7	7	7
Всего	28	28	28

Таковъ примѣрный, по моему мнѣнію, планъ распредѣленія учебныхъ предметовъ по цикламъ и классамъ. Кромѣ того, въ каждомъ заведеніи должны быть введены еще особые часы для занятій гимнастикой, ремеслами, музыкой и т. п. Въ вакаціонное время предпринимаются экскурсіи, прежде близкія, а послѣ и болѣе далекія, подъ руководствомъ свѣдущихъ людей.

Число уроковъ въ профессіональномъ отдѣленіи зависитъ отъ характера этого отдѣленія. Во всякомъ случаѣ, желательно распредѣлить занятія такимъ образомъ, чтобы доставить возможность профессіоналистамъ поступать въ высшія учебныя заведенія по выдержаніи дополнительнаго испытанія.

Объемъ и программы должны быть выработаны такъ, чтобы не обременять избыткомъ работы дѣтей *среднихъ* способностей и оставить нѣкоторое время для физическихъ упражненій и занятій ремеслами, музыкой и т. п.

Огромное значеніе въ дѣлѣ обученія и воспитанія имѣетъ такъ называемая внутренняя (классная) дисциплина. При отсутствіи этой внутренней дисциплины невозможны никакіе успѣхи. Можно утверждать, что прочная классная дисциплина есть начало и внѣшней дисциплины. Эта внутренняя дисциплина устанавливается авторитетомъ преподавателя, его тактомъ, его знаніями, его добросовѣстнымъ отношеніемъ къ долгу. Преподаватель долженъ высоко стоять въ глазахъ ученика. Извѣстенъ разсказъ объ одномъ прусскомъ школьномъ учителѣ, который не желалъ допустить короля къ присутствованію на урокѣ, такъ какъ ученики увидѣли-бы, что есть нѣкто, стоящій выше ихъ школьнаго учителя. Конечно, наши дѣти съ ранняго возраста, хорошо знакомы съ длинной іерархической лѣстницей чиновъ и должностей; тѣмъ не менѣе, авторитетное положеніе преподавателя въ обществѣ будетъ импонировать ученику. Классная дисциплина поддерживается также усиліями учителя, умѣющаго втянуть въ живую классную работу каждаго изъ учениковъ. А подобная живая работа тѣмъ болѣе затруднительна, чѣмъ многолюднѣе классъ. Поэтому однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для поддержанія внутренней дисциплины является устройство немноголюдныхъ классовъ. Войдя въ актовый залъ житомирской гимназіи въ 1894 году, я былъ пораженъ массой скамеекъ; оказалось, что тутъ помѣщается приготовительный классъ, въ которомъ числится 110 учениковъ... Мыслимо ли удержать 110 мальчугановъ въ порядкѣ въ теченіе часа. Очевидно, что здѣсь царитъ и долженъ царить безпорядокъ, который, такимъ образомъ, является узаконеннымъ. Мысль о возможности безпорядка переносится изъ класса въ классъ, принимая съ возрастомъ болѣе смѣлыя формы. Уваженіе къ личности учителя и къ святости класса потеряны. Если безпоря-

докъ допустимъ въ классѣ, почему онъ не допустимъ на улицѣ, въ театрѣ и т. д. Отсюда та распущенность, на которую жалуются въ послѣднее время. Итакъ, классы должны быть немноголюдны и заключать не болѣе 30 — 35 человѣкъ. Подобное правило неуклонно соблюдалось въ военныхъ гимназіяхъ. Могутъ замѣтить, что для соблюденія этого правила понадобится значительно увеличить число заведеній первыхъ трехъ цикловъ. Да, несомнѣнно; но заботы о просвѣщеніи, о правильномъ обученіи и воспитаніи дѣтей, составляютъ первѣйшую заботу правительствъ.

Вообще, реформа средней школы потребуетъ извѣстныхъ матеріальныхъ жертвъ, какъ на улучшеніе матеріальнаго положенія преподавателей, такъ и на увеличеніе числа учебныхъ заведеній. Но необходимо замѣтить, что, до настоящаго времени на школу вообще посвящено у насъ мало вниманія и средствъ. Въ то время, какъ всѣ стороны нашей внутренней жизни двинулись гигантскими шагами впередъ, школа наша оставалась въ тѣни, если не считать злосчастныхъ экспериментовъ 1871 и 1884 годовъ. Это лучше всего видно изъ изученія цифръ нашего бюджета за послѣдніе 30—35 лѣтъ. Въ слѣдующей таблицѣ приведены числа, показывающія общіе государственные расходы, а также бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1865 года. Въ послѣднемъ вертикальномъ столбцѣ, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія выраженъ въ процентахъ общаго обыкновеннаго государственнаго бюджета.

Годы	Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ тысячахъ рублей.	Общій бюджетъ государства въ тысячахъ рублей.	Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ % общаго бюджета.
1865	6468	376094	1,7
1867	7259	439850	1,6
1868	8855	476594	1,9
1869	9289	479079	1.9
1870	10131	473728	2,1

1872	11286	495814	2,3
1873	12335	—	—
1874	13168	532684	2,5
1875	14630	556105	2,6
1876	15163	568052	2,7
1877	15754	568769	2,7
1878	15971	598398	2,7
1879	16256	626584	2,6
1880	16786	664257	2,5
1881	17383	713462	2,4
1882	18056	703505	2,6
1883	18427	722005	2,6
1884	19698	748997	2,6
1885	20446	813295	2,5
1886	20985	868949	2,4
1887	20864	878342	2,4
1888	21410	882082	2,4
1889	22083	889162	2,5
1890	22932	924369	2,5
1891	22936	898889	2,6
1893	22411	947690	2,4
1894	22218	981223	2,3
1895	23600	1120095	2,1
1896	24863	1231088	2,0
1897	25495	1284859	2,0
1898	26441	1350085	2,0
1899	28761	1462659	2,0
1900	33181	1564442	2,1
1901	33077	1656653	2,0
1902	36624	1775914	2,1

Изъ этой таблицы видно, что бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ среднемъ за 34 года, составляетъ 2,3% всего обыкновеннаго государственнаго бюджета. Въ отдѣльные годы это процентное отношеніе претерпѣвало нѣкоторыя колебанія (отъ 1,6 до 2,7%); въ послѣдніе годы оно понизилось до 2,1—2,0%.

Общіе расходы составляли:

въ 1870 году 5 р. 69 коп. на человѣка въ годъ
» 1897 » 10 р. 17 » » » » »

Между тѣмъ расходы на министерство народнаго просвѣщенія были:

въ 1870 году 12 коп. на человѣка въ годъ
» 1897 » 29 » » » » » [1])

Могутъ намъ замѣтить, что при учительскомъ кризисѣ, который мы переживаемъ нынѣ вслѣдствіе отлива силъ въ другія болѣе прибыльныя сферы, некѣмъ будетъ заполнить учительскія мѣста. На это можно отвѣтить слѣдующее. Во второй половинѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятые годы лучшіе студенты историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетовъ направлялись на учительскія кафедры. Правда, что число гимназій было тогда гораздо меньше, чѣмъ теперь; но и количество оканчивающихъ университетскій курсъ было тоже несравненно меньше, чѣмъ въ настоящее время. Постараемся улучшить матеріальное и особенно моральное положеніе учителя, облечемъ его долей довѣрія и среди молодежи пробудится опять неудержимое желаніе работать на одномъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ поприщъ, въ роли сѣятеля добра и знанія. Наконецъ, женщина теперь повсемѣстно ищетъ работы. Устраиваются высшіе женскіе педагогическіе курсы, которые, такъ сказать, выбросятъ на рынокъ массу рабочихъ педагогическихъ силъ, прекрасно подготовленныхъ, обладающихъ энергіей, терпѣніемъ и свойственной женщинѣ мягкостью. Естественно, что

---

[1]) Число жителей Россійской Имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, по переписи 28 января 1897 года, опредѣлилось въ 126368827 человѣкъ; по Янсону (см. Сравнительная статистика Россіи), народонаселеніе это въ 1870 году равнялось 83256132 человѣка.

въ первомъ и второмъ циклахъ учительскія мѣста можно замѣнить женщинами. Впослѣдствіи, женщины смогутъ явиться прекрасными преподавателями и въ третьемъ (высшемъ) циклѣ. Я не сомнѣваюсь что женщина внесетъ сердечность въ свои отношенія и будетъ способствовать смягченію огрубѣвшихъ нравовъ нашей учащейся молодежи.

Далѣе, школа должна примириться съ обществомъ и итти съ нимъ рука объ руку. Родителямъ необходимо ближе знать что дѣлается въ школѣ, каковы ея принципы, методы и задачи въ данный моментъ; короче говоря, желательно установить возможно болѣе тѣсное общеніе между семьей и школой. Внѣшкольный надзоръ оказался недостигающимъ цѣли. Намъ рекомендуютъ это общеніе въ формѣ собесѣдованій съ родителями, посѣщенія квартиръ учениковъ. Но, мнѣ кажется, что подобныя собесѣдованія не могутъ принести существенной пользы. Собесѣдованія эти будутъ касаться, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ частностей, отдѣльныхъ учениковъ. Конечно, эти собесѣдованія могутъ отчасти поколебать то средостѣніе между школой и родителями, которое воздвигнуто системой 1871 года. Посѣщеніе частныхъ квартиръ можно безошибочно считать нежелательнымъ, безполезнымъ и щекотливымъ. Эти посѣщенія, въ глазахъ учениковъ и родителей, всегда будутъ имѣть фискальный характеръ и могутъ быть сочтены за вмѣшательство въ домашнюю жизнь, въ которой право безапелляціоннаго надзора должно быть, во всякомъ случаѣ, оставлено за родителями. Оно не принесетъ пользы даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда условія извѣстной семьи явно ненормальны. Едва-ли гимназическая, да и всякая иная, власть способна внести коррективъ въ ненормально сложившіяся семейныя отношенія. Для установленія болѣе прочной связи школы съ обществомъ существуетъ, по моему мнѣнію, другое, болѣе могущественное, средство — это педагогическія общества и съѣзды, въ собраніяхъ которыхъ разнообразные вопросы школьной жизни подвергались бы обсужденію. Такія собранія возбуждаютъ живѣйшій интересъ среди родителей. Родителямъ нужна увѣренность, что ихъ дѣтей исправляютъ, а не караютъ. При этой увѣренности они сами будутъ обращаться къ посредству школы. Я живо помню, съ какимъ интересомъ относилось, напримѣръ, одесское общество, къ учительскому съѣзду,

созванному въ Одессѣ въ началѣ 80-хъ годовъ. Такія собранія и съѣзды, будутъ также непрерывнымъ контролемъ общества надъ дѣятельностью школы и внесутъ живую струю въ ея жизнь. Они внесутъ неослабляющій интересъ въ средѣ самихъ же преподавателей и явятся стимуломъ для самоусовершенствованія. Мы раньше, на примѣрѣ кіевской военной гимназіи, видѣли, насколько подобныя собранія, даже въ небольшомъ масштабѣ, способны поддержать энергію преподавателей.

Но въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія заинтересовано не только правительство, но и само общество, особенно въ виду того, что ежегодно, для цѣлыхъ тысячъ дѣтей захлопываются двери учебныхъ заведеній, вслѣдствіе крайняго переполненія классовъ. Роль общественной иниціативы проявилась во всей своей силѣ въ организаціи коммерческой школы въ Россіи, которая создалась у насъ почти исключительно на частныя средства. Чѣмъ же вызваны эти симпатіи общества къ коммерческой школѣ? Причины эти прекрасно выяснены въ рѣчи В. И. Ковалевскаго, произнесенной имъ въ первомъ общемъ собраніи послѣдняго съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Петербургѣ. Небывалый успѣхъ нашей коммерческой школы объясняется, по словамъ В. И. Ковалевскаго, тѣмъ, что

«она несетъ съ собою новыя черты, обезпечивающія осу«ществленіе цѣлей, во имя которыхъ они созданы. Ком«мерческая школа—новая не столько по задачамъ, сколько «по духу, внутреннему укладу и порядку управленія. «Школьные запросы жизни не укладываются въ непод«вижные типы. Окаменѣлость типовъ вредно отражается «на развитіи школы, и не можетъ привлечь обществен«наго сочувствія».

Далѣе, В. И. Ковалевскій отмѣчаетъ чуждое формализма отношеніе власти къ текущей жизни коммерческихъ училищъ и начала самодѣятельности, предоставляемой законодателемъ администраціи училищъ въ ихъ внутренней жизни. Благодаря довѣрію власти къ общественной иниціативѣ, у насъ и создалась общественная школа, являющаяся «своей» для мѣстныхъ дѣятелей, вносящихъ въ дѣло ея развитія любовь и трогательную заботливость. Коммерческая школа, такимъ образомъ, чужда шаблоннаго однообразія, которая мертвитъ всякую школу. Каж-

дое коммерческое учебное заведеніе живетъ своей самостоятельной жизнью, такъ какъ оно не испытываетъ на себѣ стѣснительной регламентаціи центральнаго управленія и окружныхъ испекторовъ. Администрація и преподавательскій составъ имѣютъ здѣсь полную возможность проявлять личный починъ, въ результатѣ чего является бодрая и согласованная работа. Наконецъ, благодаря индивидуальной жизни каждой коммерческой школы, центральное управленіе можетъ быть совершенно свободно отъ ошибокъ, неизбѣжныхъ при большой регламентаціи и вредно отражающихся на школѣ. Таковы добрыя послѣдствія широкаго примѣненія начала общественности.

Здоровое начало,—заканчиваетъ свою рѣчь В. И.,—даетъ и здоровые результаты. Поэтому нельзя не пожелать ему самаго широкаго примѣненія въ нашей школьной системѣ съ тѣми видоизмѣненіями, которыя вызываются особенностями различныхъ категорій школъ. Съ примѣненіемъ этого начала школа получитъ другой обликъ, другой строй, просвѣщеніе шире распространится. Общественное сочувствіе къ школѣ возрастетъ.

Раньше мы уже говорили, что главнымъ и необходимымъ условіемъ поднятія школы является поднятіе престижа ея отдѣльныхъ представителей, т. е. всего преподавательскаго персонала. Поднятіе это должно заключаться не только въ улучшеніи матеріальнаго положенія преподавателей, но и въ предоставленіи имъ соотвѣтствующаго положенія въ обществѣ. Учитель не долженъ быть обремененъ массой уроковъ, дабы онъ могъ сохранить бодрость и свѣжесть. Учителю безусловно необходимо постоянно поддерживать и освѣжать свои научныя познанія, а это возможно, если будутъ увеличены средства на библіотеки и другія учебныя пособія. Особенно должны быть поощряемы поѣздки учителей на научные россійскіе и международные съѣзды и выставки. Для этой цѣли въ распоряженіе каждаго заведенія должны быть ассигнованы извѣстныя суммы. Широко развитыя вакаціонныя, совмѣстныя, экскурсіи преподавателей и учениковъ будутъ служить, съ одной стороны, къ сближенію учащихся и учащихъ, а съ другой, расширятъ кругозоръ, какъ тѣхъ такъ и другихъ. Преподавательскій персоналъ долженъ пользоваться довѣріемъ; это довѣріе можетъ выразиться какъ въ уменьшеніи бумажной регламентаціи, такъ и въ предоставленіи педагогическимъ совѣтамъ болѣе широкихъ правъ въ рѣшеніи

вопросовъ воспитанія и обученія. Административное и хозяйственное веденіе дѣла средней школы можно предоставить особому комитету, состоящему, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ двухъ—трехъ преподавателей, избираемыхъ педагогическимъ комитетомъ.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ по одному частному школьному вопросу, а именно, по вопросу о письменныхъ и годичныхъ испытаніяхъ учениковъ средней школы. На основаніи моего личнаго многолѣтняго опыта, я пришелъ къ заключенію, что *устное* испытаніе вообще слѣдуетъ безусловно предпочесть *письменному* отвѣту. Обстановка письменныхъ испытаній обыкновенно дѣйствуетъ на испытуемаго подавляющимъ образомъ. Случайная ошибка или даже описка при рѣшеніи математической задачи можетъ испортить въ конецъ весь письменный отвѣтъ. По письменному отвѣту далеко не всегда можно судить объ общемъ знаніи предмета и общемъ развитіи испытуемаго. По математикѣ, напримѣръ, очень трудно требовать отъ ученика умѣнья рѣшить задачу новой категоріи, въ которой не упражнялся ученикъ въ теченіе года. Письменный отвѣтъ необходимо лишь удержать по русскому языку на несложныя, лучше всего литературныя или историческія, темы, съ цѣлью убѣдиться, что испытуемый можетъ свободно и грамотно излагать свои мысли. По математикѣ возможно требовать умѣнья примѣнять теоретическія познанія къ рѣшенію несложныхъ задачъ и числовыхъ примѣровъ. Но задачи и темы должно безусловно давать само заведеніе, сообразуясь съ мѣстными условіями. Преподаватели, находясь подъ гнетомъ ожидаемыхъ темъ и задачъ изъ округа, въ теченіе года направляютъ свои усилія не на истинное прочное развитіе учащихся, а на то, чтобы упражнять ихъ въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ задачъ въ ущербъ теоріи. Успѣшное рѣшеніе заданной посторонней задачи, независимо отъ ея сложности, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: отъ внѣшней обстановки экзамена, отъ настроенія экзаминаторовъ, отъ болѣе или менѣе ясно выраженныхъ условій задачи, отъ того, насколько заданная задача близка къ тому типу задачъ, которыя рѣшались въ теченіе года, отъ степени теоретической подготовки, иногда даже отъ случайныхъ мелкихъ обстоятельствъ. Во время устнаго испытанія, экзаминаторъ имѣетъ

возможность ближе ознакомиться съ индивидуальными способностями ученика; путемъ ряда отдѣльныхъ летучихъ вопросовъ, легко убѣдиться, на сколько учащійся усвоилъ себѣ различныя части курса. Все это хорошо извѣстно опытнымъ педагогамъ. Вообще, по моему мнѣнію, устное испытаніе должно быть, за немногими вышеуказанными исключеніями, предпочтено письменному.

Говоря о контролѣ надъ занятіями въ средней школѣ, нельзя не коснуться также вопроса о, такъ называемыхъ, ревизіяхъ преподаванія, предпринимаемыхъ, время отъ времени, со стороны окружного начальства при посредствѣ особо назначаемыхъ для этой цѣли ревизоровъ (профессоровъ, окружныхъ инспекторовъ и пр.). Многолѣтній опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что выводы о ходѣ преподаванія, основанные на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ посѣщенія *отдѣльныхъ* уроковъ, вообще не могутъ дать критеріума для сужденія объ успѣшности класса и достоинствахъ преподаванія. Всѣ указанныя выше вліянія, дѣйствующія на психику класса, еще въ большей степени, выступаютъ при внезапномъ пріѣздѣ и появленіи въ классѣ ревизора. Неудивительно, поэтому, что при подобныхъ ревизіяхъ возможны колоссальныя ошибки. Не могу не привести здѣсь одинъ поразительный примѣръ такой ошибки изъ моей собственной педагогической дѣятельности. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вообще весьма рѣдки ревизіи, назначаемыя изъ центральнаго управленія. Одна изъ такихъ ревизій (инспекторскій смотръ) была назначена въ 1871 году. Для производства инспекторскаго смотра по всѣмъ частямъ управленія былъ назначенъ начальникъ дивизіи, нынѣ покойный Петръ Семеновичъ Ванновскій. Ревизія генерала Ванновскаго коснулась, между прочимъ, и учебной части. Ко мнѣ онъ явился на урокъ физики въ V классѣ. Нужно замѣтить, что классъ этотъ состоялъ почти цѣликомъ изъ талантливѣйшихъ юношей, прекрасно занимавшихся и составлялъ, можно сказать, украшеніе гимназіи. Съ особеннымъ интересомъ классъ занимался физикой, посвящая на эти занятія даже вечерніе часы. Войдя въ классъ, ревизоръ предложилъ спросить изъ пройденнаго курса и самъ вызвалъ по списку трехъ воспитанниковъ (Порошина, Мочуговскаго и Лазо), изъ которыхъ первый имѣлъ отмѣтку 12 (первый ученикъ

класса), второй—8, третій—4 [1]. Но появленіе въ классѣ генерала Ванновскаго, извѣстнаго въ то время своею строгостью, можно сказать, парализовало учениковъ и подѣйствовало на нихъ угнетающимъ образомъ. Не смотря на всѣ мои наводящіе вопросы, отвѣты были ниже всякой критики. Я не узнавалъ учениковъ, поражавшихъ всегда своими блестящими отвѣтами. Спустя два—три дня, тотъ же ревизоръ является опять ко мнѣ, на урокъ тригонометріи въ 7-ой классъ, весьма слабый, какъ по составу, такъ и по подготовкѣ. Въ предшествовавшіе годы, учителя математики въ этомъ классѣ постоянно мѣнялись и воспитанники перешли въ 7-ой классъ съ весьма разрозненными и слабыми знаніями по математикѣ. Генералъ Ванновскій предложилъ мнѣ продолжать спрашиваніе урока, попрежнему вызвавъ трехъ учениковъ. Къ уроку было задано повтореніе всей пройденной, весьма легкой, части тригонометріи, а именно: опредѣленіе тригонометрическихъ функцій, зависимость между тригонометрическими величинами одной и той-же дуги, выводъ синуса и косинуса суммы и разности двухъ дугъ, синуса и косинуса двойной дуги и тому подобныя простѣйшія формулы. Всѣ воспитанники отвѣчали весьма удовлетворительно изъ этой легчайшей части курса. Мѣсяца черезъ три—четыре, присланъ былъ въ кіевскую военную гимназію отчетъ о ревизіи генерала Ванновскаго. Въ одномъ мѣстѣ отчета сказано: совершенной безуспѣшностью отличается преподаваніе физики въ V классѣ у преподавателя Кл.; въ другомъ мѣстѣ того-же отчета читаемъ: особенно хорошо и успѣшно поставлено преподаваніе математики въ VII классѣ подъ руководствомъ преподавателя Кл.

Изъ этого факта видно, какъ велика должна быть осторожность въ выводахъ относительно хода преподаванія, вынесенныхъ на основаніи случайнаго посѣщенія одного-двухъ уроковъ. Всякому опытному преподавателю извѣстно, что отвѣты учениковъ не только на урокахъ, но даже и на экзаменахъ, иногда далеко не соотвѣтствуютъ истинной подготовкѣ класса. Присутствіе посторонняго лица, настроеніе учителя, первые неудачные отвѣты обезкураживаютъ классъ и дѣйствуютъ на него угнетающимъ образомъ. Для составленія правильной оцѣн-

[1]) По 12-тибалльной шкалѣ.

ки нужно многократное присутствіе на урокахъ при обыденной будничной жизни, необходимо видѣть не только казовую, но и всю черную работу класснаго дѣла. Съ другой стороны, ревизующее лицо должно само быть близко къ педагогической дѣятельности, само должно пройти тяжелую учительскую карьеру, для того, чтобы правильно судить о работѣ другихъ. Съ этой точки зрѣнія, мнѣ представляется нераціональнымъ поручать ревизіи гимназическаго преподаванія профессорамъ и другимъ лицамъ, которыя сами никогда не состояли преподавателями и совершенно незнакомы съ методикой и дидактикой предмета. Какіе они могутъ представить отчеты о преподаваніи и какіе *они* могутъ давать совѣты? Особенно непонятно, когда для контроля заслуженныхъ опытныхъ преподавателей посылаются округомъ едва сошедшіе съ университетской скамьи юные приватъ-доценты или профессора.

Всестороннюю оцѣнку и контроль слѣдуетъ предоставить начальникамъ заведеній, а также комиссіямъ изъ преподавателей того же заведенія во время годичныхъ испытаній. Въ этомъ отношеніи, весьма цѣлесообразный пріемъ былъ примѣняемъ покойнымъ директоромъ кіевской военной гимназіи П. Н. Юшеновымъ, высокообразованнымъ человѣкомъ, всецѣло преданнымъ интересамъ учащагося юношества ввѣреннаго ему заведенія. П. Н. Юшеновъ хорошо сознавалъ крайнюю шаткость вывода, основаннаго на единичномъ посѣщеніи урока. Въ виду этого, онъ, обыкновенно въ теченіе всего года, являлся еженедѣльно въ классъ къ извѣстному преподавателю на опредѣленный урокъ и присутствовалъ, не вмѣшиваясь и не давая никакихъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ классъ при всевозможныхъ условіяхъ, такъ сказать, и въ будни и въ праздникъ, во время спрашиванія, повѣрки и объясненія урока. Личность преподавателя слагалась, такимъ образомъ, въ воображеніи директора, въ ея натуральномъ видѣ. Ознакомившись разносторонне съ ходомъ преподаванія, П. Н. Юшеновъ въ концѣ года заводилъ частный разговоръ и высказывалъ свои мысли, отнюдь не навязывая ихъ преподавателю.

Но возможна и другая система контроля товарищескаго— это годичныя испытанія. Въ настоящее время годичныя испытанія упразднены. На основаніи моей педагогической практики,

я не могу согласиться съ этой мѣрой. Мнѣ кажется, что ежегодно безусловно необходимо во всякомъ предметѣ оглянуться назадъ, подвести итоги, пополнить пробѣлы, пропущенные и невыученные уроки. Системой репетицій, веденныхъ одновременнно по многимъ предметамъ, эта цѣль не будетъ достигнута. Необходимо, чтобы обзору каждаго предмета было посвящено цѣликомъ извѣстное время. Ученику самому полезно оглядѣться, на сколько онъ силенъ въ своихъ знаніяхъ. Комиссія, во время экзаменовъ, имѣетъ возможность убѣдиться, насколько ученикъ обладаетъ знаніемъ и развитіемъ, и достаточно-ли онъ подготовленъ для продолженія курса. Самъ преподаватель дѣлаетъ, своего рода, обзоръ своей собственной дѣятельности и провѣряетъ правильность принятаго имъ метода; на экзаменѣ рѣзко выступаютъ частные промахи, сдѣланные во время курса. При отсутствіи годичныхъ испытаній, является обширный просторъ при оцѣнкѣ знаній и развитія учениковъ. Въ этомъ случаѣ все дѣло сводится къ оцѣнкѣ случайныхъ классныхъ отвѣтовъ учениковъ, а, при многолюдности классовъ, эта оцѣнка крайне гадательна. Въ виду этого, я остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ повѣрочныхъ испытаній. Конечно, эти испытанія не слѣдуетъ производить при торжественной обстановкѣ, потрясающей нервы учениковъ. Не слѣдуетъ требовать очень больших деталей: это тотъ же будничный урокъ, но въ присутствіи не только учителя, а и его конспеціалистовъ. Вопросъ о переводѣ ученика изъ класса въ классъ и выдачѣ аттестатовъ зрѣлости долженъ быть всецѣло предоставленъ заведенію. Дипломъ, выданный гимназіей, долженъ пользоваться вездѣ полнымъ довѣріемъ и получившій его не долженъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія, подвергаться повѣрочному испытанію. Такое довѣріе къ преподавательскимъ силамъ подымаетъ ихъ престижъ въ глазахъ учениковъ.

Конечно, настоящая статья далеко не даетъ полнаго рѣшенія безконечно трудной задачи о реформѣ средней школы. Она заключаетъ въ себѣ лишь одинъ изъ принциповъ построенія этой школы, а также рядъ воспоминаній и отдѣльныхъ мыслей, навѣянныхъ многолѣтней педагогической дѣятельностью въ стѣнахъ средней и высшей школы. Тѣмъ не менѣе, позволю себѣ, въ заключеніе, резюмировать мои выводы въ видѣ слѣдующихъ тезисовъ:

1) Школа должна быть *единая*; она расположена по цикламъ, изъ которыхъ каждый даетъ опредѣленное законченное образованіе.

2) Система самостоятельныхъ отдѣльныхъ цикловъ устраняетъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ современной школы, а именно, сліяніе возрастовъ и связанныя съ этимъ дисциплинарныя трудности.

3) Для успѣшности преподаванія и поддержанія дисциплины, классы должны быть немногочисленны (не болѣе 30—35 учениковъ).

4) Характеръ школы долженъ соотвѣтствовать потребностямъ и запросамъ жизни.

5) Школа, какъ въ цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, должна пользоваться довѣріемъ со стороны высшей власти и общества.

6) Авторитетъ учителя необходимо поднять возможно выше; а для этого необходимо значительно улучшить матеріальное положеніе преподавателей и предоставить имъ всѣ возможныя средства для самоусовершенствованія (расширеніе библіотекъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, экскурсіи, командировки на съѣзды и т. под.).

7) Между школой и семьей должно быть установлено общеніе путемъ открытія педагогическихъ обществъ и съѣздовъ и свободнаго обсужденія школьныхъ вопросовъ въ печати.

Школа, построенная на этихъ началахъ, несомнѣнно встрѣтитъ глубокое сочувствіе въ средѣ нашего общества и вызоветъ широкую инициативу, которая прійдетъ на помощь правительству въ дѣлѣ расширенія новыхъ и новыхъ центровъ просвѣщенія. Лозунгъ, который неотступно нужно имѣть въ виду, какъ самой школѣ такъ и всякому причастному къ ней: польза ученика для пользы общества.